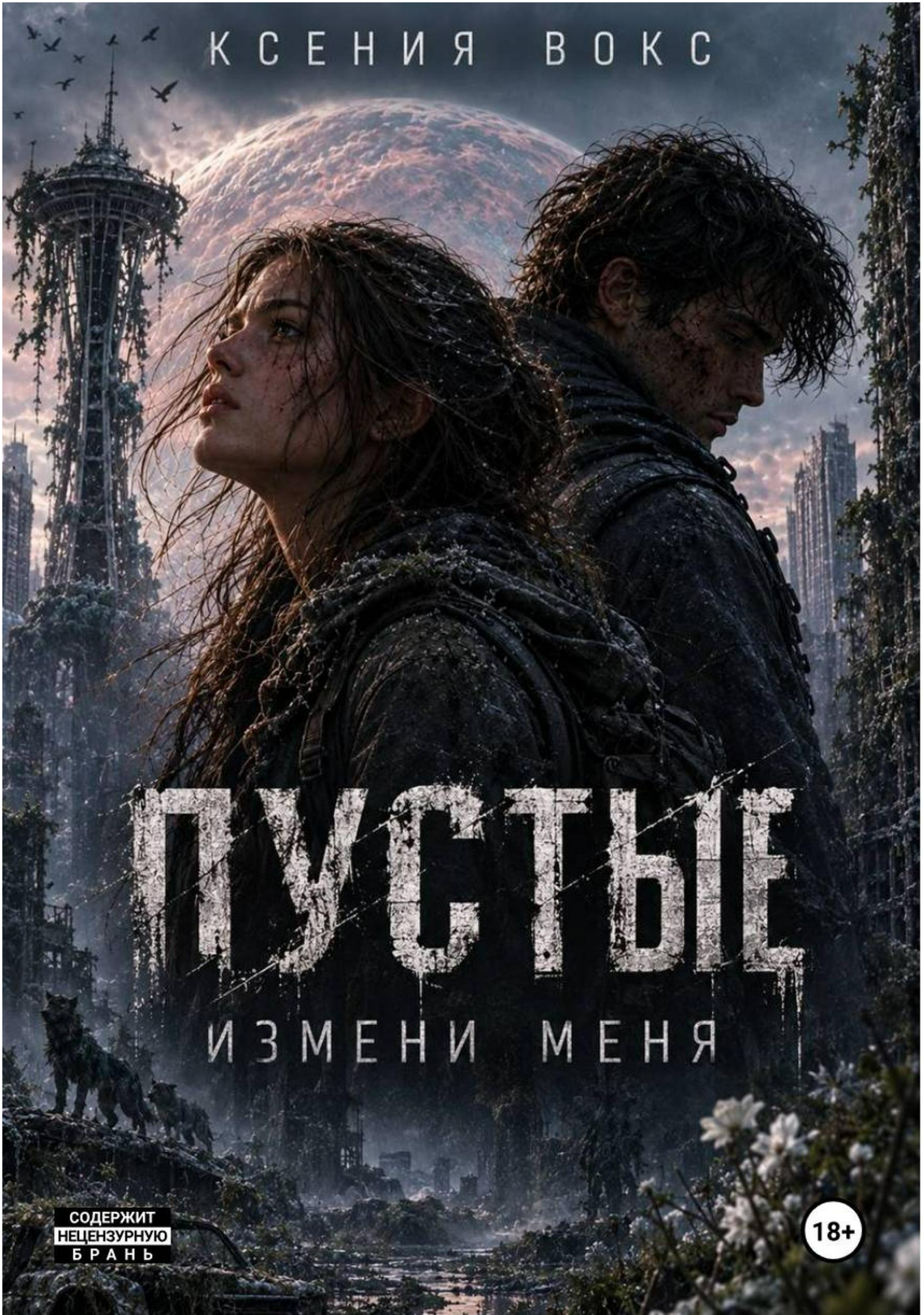
КСЕНИЯ ВОКС

ПУСТЫЕ

ИЗМЕНИ МЕНЯ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ксения Вокс

Пустые. Измени меня

«Автор»
2026

Вокс К.

Пустые. Измени меня / К. Вокс — «Автор», 2026

Бывает так: ты просыпаешься и понимаешь, что привычного «завтра» больше нет. Все правила, по которым ты жил, стёрты, а реальность вокруг напоминает затянувшийся, чужой сон.Я осталась один на один с миром, который изменился до неузнаваемости, и всё, что у меня есть, — это ворох вопросов без ответов.На что опереться, когда земля уходит из-под ног?Кому верить, если даже собственное чутьё начинает тебя подводить?Всё, что мне нужно, — найти способ жить в этом новом мире и не потерять то немногое, что у меня осталось. Но как удержаться на ногах, когда каждый день приносит новые испытания, а будущее становится всё менее предсказуемым?

© Вокс К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 21
Глава 4 28
Глава 5 38
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Пустые. Измени меня

АВТОРСКОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Данная книга редактируется и корректируется автором самостоятельно. В связи с отсутствием возможности обратиться к профессиональному редактору и корректору, в тексте могут сохраняться определённые недочёты. Автор осознаёт это и по мере возможности работает над их исправлением. Если наличие подобных недочётов существенно влияет на ваше восприятие текста, пожалуйста, учитывайте это перед началом чтения. Продолжение чтения является исключительно вашим выбором.

Глава 1

Говорят, что перед смертью человек видит всю свою жизнь. Но я не умирала — я просто стояла и не могла понять, где моё тело, а где — я сама. Физически я чувствую, что стою на твёрдой земле, но внутри меня — затянувшийся полёт, из которого невозможно выйти. Я смотрю на свои руки и ловлю себя на странной мысли: эти ладони, эти пальцы, эта одежда — они точно принадлежат мне? Или я просто одолжила это тело у кого-то другого, кто ушёл и забыл оставить инструкции? Почему я чувствую, что у меня болит каждая косточка, словно я так долго лежала без движения, что теперь не могу пошевелиться, хотя в данный момент твёрдо стою на ногах?

Поднимаю взгляд от рук, осматриваюсь по сторонам и понимаю, что ничего, кроме белой непроглядной пелены, не вижу. Неосознанно разворачиваюсь всем телом — картина не меняется. В голове полная каша; я пытаюсь осознать реальность, но не могу зацепиться ни за одну мысль — они упрямо ускользают, стоит только о чём-то подумать. Это сон?

Прикасаюсь холодными пальцами к вискам, прикрываю глаза, надеясь унять тянущую, нарастающую боль. Жмурюсь. Снова открываю глаза и делаю несколько шагов вперёд, в пустоту, — и вскрикиваю от боли в голове, но своего крика я не слышу. Перед глазами мелькают обрывки хаотичных воспоминаний. Их так много, что я не могу ни разобрать их, ни понять, откуда они и как связаны со мной. И с каждой новой вспышкой я чувствую, что оседаю вниз. Пальцы касаются прохлады... это не пол — земля. Мои пальцы проваливаются в мягкую почву, будто та пропитана только что прошедшим дождём. Мне мерещится запах свежести. Но тут же всё возвращается к вспышкам; они замедляются, и я вижу себя: улыбающуюся перед зеркалом, затем за столом... с родителями? Слышу голос сестрёнки. А у меня есть сестра?

Ничего не понимаю и от этого издаю стон — он заставляет меня упасть всем телом на землю и закрыть голову руками. Пытаюсь глубоко дышать, цепляясь за обрывки воспоминаний. Кажется, мне удаётся остановить этот быстрый, неразборчивый поток мыслей, когда я зажмуриваюсь. Цепляюсь за одну вспышку и будто проваливаюсь в неё.

Вижу светлую столовую, совмещённую с кухней, и за столом троих человек. Не могу разглядеть их лиц, но голоса кажутся мне родными. Родители. Это точно мои родители и младшая сестра Алекса.

И всё кажется таким тёплым, залитым утренним солнцем, но картинка то и дело портится — по ней идут странные серые помехи, словно кто-то перематывает старую плёнку. Мама что-то говорит, её губы шевелятся, и я сквозь неразборчивый гул пытаюсь разобрать слова, вслушиваюсь изо всех сил и наконец улавливаю, что они обсуждают поездку к озеру на выходные. Папа разливает по кружкам кофе, Алекса смеётся, помешивая сахар, и этот весёлый звон вдруг бьёт мне по ушам, превращаясь в жуткий, оглушительный скрежет тормозов по мокрому асфальту.

Меня резко дёргает вперёд. В глаза бросается разбивающееся лобовое стекло, а острые осколки летят прямо в лицо. Слышу крик мамы, который обрывается на самой высокой ноте.

Я задыхаюсь, пытаюсь вынырнуть из этого кошмара, делаю судорожный вдох, и реальность снова резко меняется — я опять сижу за тем же столом, в руке зажата тёплая керамическая кружка, а папа спокойно разворачивает карту дорог. Мои мысли путаются, я не понимаю, где нахожусь в эту секунду, потому что запах яичницы с беконом смешивается с резким, удушливым запахом бензина и горелой резины. Алекса толкает меня в плечо, спрашивая, взяла ли я свой любимый плед. Её лицо совсем близко, но вместо ответа я вижу, как её голова неестественно откидывается назад от страшного удара, а яркие солнечные лучи в столовой сменяются крутящимися перед глазами деревьями за окном переворачивающейся машины.

Я хочу закричать, предупредить их, сказать, чтобы никто никуда не ехал, но из горла вылетает лишь тихий хрип, и картинка снова возвращается к мирному завтраку. Мама улыбается, передавая мне тарелку, папа шутит про погоду, но этот контраст между уютным утром и леденящим кровь ужасом, который вот-вот случится, просто разрывает мне голову на части.

Пытаюсь вздохнуть, но лёгкие как будто отказываются принимать воздух, и от этого я зарываюсь пальцами в почву и сжимаю её. В тот же момент картинка уютного завтрака обрывается, и я переношусь на улицу, к нашему дому, где воздух пахнет утренней прохладой, влажной травой и нагретым металлом. Мама с Алексой, громко смеясь и споря о том, кто взял больше лишних вещей, проносят мимо меня сумки к открытому багажнику отцовского пикапа.

Я стою у переднего бампера, лениво щурясь от яркого солнца, и смотрю на папу, который подпёр плечом поднятый капот машины и ковыряется где-то в его недрах.

— Смотри сюда, Лив, — папа вытирает испачканные в масле пальцы о старую ветошь и указывает мне на датчики. — Перед любой длительной поездкой проверяй это в первую очередь. Тормозную жидкость, масло, антифриз. Если проморгаешь — останешься куковать посреди трассы с закипевшим движком. Поняла?

— Поняла, пап, — киваю я, улыбаясь ему. — Ты это столько раз объяснял, что, кажется, разбуди меня утром — я назову все пункты твоих наставлений.

— Безопасность превыше всего! — с улыбкой говорит отец, а я тянусь рукой к капоту, чтобы получше рассмотреть, куда он показывает.

И в ту секунду, когда мои пальцы касаются нагретого солнцем металла, реальность вокруг сходит с ума.

Мерный рокот мотора превращается в оглушительный скрежет сминающегося железа, капот передо мной со страшным грохотом складывается в гармошку, и меня с силой швыряет вперёд. Перед глазами на долю секунды вспыхивает салон летящей в кювет машины, папины руки судорожно вцепляются в руль, пытаясь выровнять пикап на скользкой дороге, а его лицо заливает кровью из рассечённого лба.

Я прихожу в неподдельный ужас, сердце пропускает удар. Я хочу закричать, отпрянуть назад, броситься к нему, чтобы остановить этот кошмар, но моё тело в воспоминании меня не слушается. Я заперта внутри собственного разума. Почему? Прошлая я продолжает безмятежно стоять у машины, смотреть на живого отца и спокойно отвечать:

— Ну, закипеть нам сегодня точно не грозит, погода отличная.

Я пытаюсь перехватить контроль над собственными руками, упереться ногами в землю, закричать папе в лицо: «Мы разобьёмся!» — но из моего горла не вылетает ни звука. Картинка просто крутится дальше по какому-то проклятому сценарию, пока внутри меня всё разрывается от паники. Папа тепло улыбается мне в ответ, закрывает капот, и этот глухой хлопок металла снова взрывается в моих ушах звуком страшного удара, от которого я уже кричу так, что закладывает уши.

Потом всё замолкает. Наступает оглушительная тишина. Она становится настолько тягучей и умиротворяющей, что успокаивает мой разум. Нет ни боли, ни воспоминаний... чистый лист с иногда появляющимся где-то на периферии сознания тихим монотонным писком.

Исчезает всё вокруг. Нет ни непроглядной пелены, ни прохладной земли с запахом дождя... только тишина.

Я не знаю, сколько я так парю и в какой момент этот чистый белый лист превращается в непроглядную черноту, в которой я открываю глаза...

Делаю глубокий вдох и несколько раз моргаю, чтобы осознать реальность. Взгляд мечется по сторонам. Вокруг полумрак, но стоит прищуриться, как он рассеивается, уступая место едва различимым очертаниям, к которым мои глаза постепенно привыкают. Я лежу совершенно неподвижно, не делая ни единого лишнего движения, и просто пытаюсь разобраться, где вообще нахожусь после этого страшного кошмара. Слева от себя, на уровне глаз, я замечаю

узкую вертикальную полоску света, которая пробивается сквозь неплотно прикрытую дверь, и этот блеклый луч падает прямо на меня.

Перевожу взгляд вверх и медленно осматриваю потолок — в голове нет ни одной мысли, которая бы подсказала, где я. Мой мозг лениво и отстранённо начинает обрабатывать происходящее, не испытывая паники, пока я продолжаю лежать на прохладной, мягкой поверхности. Я просто смотрю в одну точку, вдыхая прохладный воздух, и чувствую, как ко мне по крупицам возвращается способность осознавать себя. Понимание того, кто я и что со мной произошло, по-прежнему отсутствует, но взгляд упрямо возвращается к левой стороне, туда, где из-за приоткрытой двери пробивается этот спасительный луч света.

Пытаюсь поднять руку, но мозг как будто отказывается выполнять мою просьбу. Не с первой попытки мне удаётся поднять руку на уровень глаз. Рассматриваю свои тонкие пальцы и сеточки вен, тянущиеся вверх к локтю. Мой взгляд цепляется за установленный катетер, а внутри мозг лихорадочно ищет воспоминания: как я оказалась здесь и где мои родители? В голове снова всплывают обрывки воспоминаний. Одновременно с этим я с кряхтением приподнимаюсь, чувствуя, как затекло всё тело.

Когда мне удаётся немного прийти в себя, я осматриваюсь по сторонам — я совершенно не помню этого места. Я вижу перед собой просторное, светлое помещение с двумя большими окнами. Больница. Я в больнице. Повсюду царит полнейшая тишина, сквозь которую я слышу стук собственного сердца. Дёргаю одеяло на себя и убираю его в сторону — ноги в порядке, насколько я могу судить. Ни гипса, ни бинтов. Только пара сине-фиолетовых синяков выглядывает из-под края больничной рубашки. Левая лодыжка чуть припухшая, но двигается. Всё двигается. Значит, не перелом. Просто ушиб. Сильный, но жить буду.

Память начинает возвращаться урывками. Я зажмуриваюсь, и перед глазами снова вспыхивает та картинка: мокрый асфальт, визг тормозов, папины руки на руле. Он кричит. Мама кричит. Алекса... Алекса молчит.

Я резко открываю глаза.

Алекса.

Где Алекса?

Я помню, как она вскрикнула, а потом — темнота.

Пытаюсь сесть ровнее, опираясь на локти, но боль в рёбрах простреливает бок, заставляя зашипеть и застыть. Дышу медленно, глубоко, считая про себя: раз, два, три.

В палате по-прежнему никого нет. Только монитор у кровати тихо попискивает, измеряя пульс. На тумбочке стоит стакан с водой и лежит сложенный в несколько раз листок бумаги. Я тянусь к нему, но едва могу дотянуться кончиками пальцев.

Листок падает на пол. Я ругаюсь сквозь зубы и откидываюсь на подушку, чувствуя себя беспомощной.

— Эй! — кричу в сторону приоткрытой двери. — Есть тут кто?

Дверь бесшумно открывается шире, и в палату заходит медсестра — женщина лет сорока, с усталым лицом и гладко зачёсанными волосами, собранными в высокий пучок на затылке. В руках у неё планшет и тонометр. Она смотрит на меня без особого интереса.

— Очнулась, — констатирует она будничным тоном. — Давление померить надо.

Она подходит к кровати, закатывает рукав моей больничной рубашки и молча обматывает манжету вокруг предплечья. Я терплю, хотя резина больно врезается в кожу. Медсестра измеряет давление, проверяет показания прибора и что-то записывает в планшет.

— Где мама? — спрашиваю я. Голос хриплый, как будто не мой.

— Сейчас позову, — отвечает она, не поднимая глаз.

— А отец? И сестра. Алекса. Где они?

Медсестра замирает на секунду, потом аккуратно отцепляет манжету и делает шаг назад. Она по-прежнему не смотрит на меня. Только поправляет халат и говорит всё тем же ровным, безжизненным голосом:

— Я позову вашу маму.

Я даже не успеваю открыть рот, как медсестра быстро выходит из палаты, прикрыв за собой дверь. В ушах сразу начинает звенеть от тишины, только монитор над кроватью негромко пищит в своём ритме. Смотрю в окно. Пасмурное небо, вдалеке сверкает молния. Через пару секунд гремит гром.

Проходит, наверное, минут десять. Слышу шаги в коридоре. Резко поворачиваю голову, надеясь увидеть отца или Алексу, но входит только мама. Она выглядит совсем не так, как раньше. Лицо опухшее, под глазами тёмные круги, кожа бледная, будто она не спала несколько суток. На ней помятая синяя кофта, левая рука висит на чёрной поддерживающей повязке. Поднимаю взгляд к её лицу и только сейчас понимаю, что она стоит в дверях не двигаясь.

— Мам? — голос у меня получается тихим и хриплым.

Мама вяло улыбается и делает неспешные шаги к кровати, словно каждый шаг даётся ей через боль. Останавливается рядом, смотрит на меня, и у неё начинают дрожать губы.

— Лив... — она выдавливает из себя это слово, и оно звучит так, будто ей не хватает воздуха.

Она садится на кресло у кровати. Её плечи опущены, она сидит сгорбившись, глядя куда-то в пол, и только теребит край своей кофты здоровой рукой. Я смотрю на неё и чувствую, как внутри начинает нарастать страх.

— Мам, где папа? — спрашиваю я, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Где Алекса? Почему ты одна? Почему молчишь?!

Она закрывает лицо ладонью и начинает всхлипывать. Плечи трясутся. Я не выдерживаю, тянусь к ней и хватаю за рукав, заставляя посмотреть на себя.

— Мама, скажи мне, где они?!

Мама медленно убирает руку от лица. Её глаза красные, воспалённые, с полопавшимися капиллярами. Она смотрит на меня, и в этом взгляде столько тяжести, что мне на секунду становится трудно дышать. Даю ей секунду собраться с мыслями, не пытаясь подгонять, хотя у самой душа рвётся на части.

— Лив... — она делает судорожный вдох. — Нас... нас вынесло на встречку. Удар пришёлся прямо на их сторону.

Она сглатывает.

— Папа... он сейчас в операционной, — она вытирает слёзы ладонью. — Врачи ничего не говорят. Только твердят про тяжёлые травмы и про то, что нужно ждать. Но они не дают никаких гарантий. Вообще никаких. Просто говорят, что делают всё возможное.

Мама замолкает, глядя в сторону окна. Я слышу, как по стеклу начинают бить первые капли дождя.

— А Алекса? Где Алекса, мам?!

Она снова переводит взгляд на меня. Губы дрожат, по щекам текут новые дорожки слёз. Я тянусь к её здоровой руке и сжимаю её ладонь.

— Алекса в реанимации. Она в коме. Врачи не могут сказать, когда она придёт в себя и придёт ли вообще. У неё... — она закрывает глаза и делает судорожный вдох, — у неё очень серьёзная травма головы. Её подключили к аппаратам, она там... такая маленькая лежит!

Я не сдерживаюсь и, превозмогая боль в рёбрах, тянусь к маме. Она, словно этого ждала, обнимает меня. Мне кажется, что в лёгких закончился воздух. Не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть.

А потом время перестало иметь значение, превратившись в бесконечную череду коридоров, запаха дезинфицирующего средства и холодного света ламп. Мои мысли стали похожи

на мутный густой туман, в котором я пыталась нащупать хоть что-то реальное, но всё ускользало. Я помню, как ходила по каким-то коридорам, помню приглушённые разговоры врачей, которые звучали как жужжание насекомых, и то, как мама сидела рядом, вцепившись в мою ладонь. Всё это казалось чужим фильмом, плохим сном, из которого невозможно вынырнуть. А ещё я помню, что меня выписали через два дня. Синяки остались, но врачи сказали, что я полностью здорова.

Вскоре я оказалась в зоне ожидания у операционного блока. Это место выглядело до жути буднично: длинные ряды пластиковых кресел, соединённых в секции, автомат с кофе неприятно гудел, на стене висело огромное электронное табло, где периодически загорались номера палат и фамилии пациентов. Здесь было тихо, почти стерильно, и каждый звук казался неуместным. Мы сидели в углу, где свет едва горел, и смотрели на тяжёлые двойные двери операционной, за которыми сейчас во второй решалась судьба папы. Стены были выкрашены в противный оттенок бежевого, давивший на глаза. Под потолком едва заметно гудела система вентиляции, высасывая из помещения остатки тепла. Я смотрела на свои ноги в больничных тапочках и думала о том, что ещё несколько дней назад мы планировали выходные, а теперь папа лежит где-то там на холодном столе, а Алекса заперта в глубине своей комы.

— Лив?

На звук собственного имени я подняла голову и заметила в конце коридора группу людей, идущих в мою сторону. Посмотрела на маму — она мирно спала, прислонившись головой к стене. Я тихо поднялась и направилась к друзьям. Через пару секунд утонула в коконе тепла — меня обняли несколько пар рук.

— Мы как только узнали, сразу сюда рванули, — услышала я голос Брэда. — Почему не позвонила?

— Да подожди ты со своими разговорами, — сказала подруга, отпихнув его, и сама прижала меня к своей груди.

Я была не особо маленькой, но по сравнению с друзьями детства казалась особенно коротышкой. Они все были на голову выше меня. Ронни отстранилась, её огненно-рыжие кудряшки подпрыгнули у лица, зелёные глаза встретились с моими. Сбоку от неё Люк положил мне на плечо руку, несильно сжал в знак поддержки. Я благодарно ему улыбнулась и перевела взгляд на подругу.

— Ты как? Вы с мамой не пострадали? — она осмотрела моё лицо в мелких царапинах, на скуле уже проявился синяк.

— Со мной и мамой всё хорошо, — ответила я. — Удар пришёлся на сторону, где сидели Алекса и папа.

— Как Майкл? — поинтересовался Брэд.

В нашем районе, где мы выросли, отца всегда называли по имени, потому что он чертовски сильно не любил слышать «мистер Райт».

— Он в операционной уже второй раз, — сказала я, чувствуя, как горло сжимается от спазма. Начинаю быстро моргать, чтобы снова не заплакать. — А... Алекса в коме.

Договариваю и прикрываю глаза, сначала чувствуя пряный запах парфюма Брэда, а затем оказываясь в его тёплых объятиях.

— Всё будет хорошо. Мы будем рядом, — шепчет он. Я просто киваю, не в силах что-то сказать.

— Ты, наверное, сутками тут сидишь. Пошли выйдем на воздух, — командует Ронни и забирает меня из объятий друга.

Я не сопротивляюсь, когда меня уводят по коридору, и даже не боюсь, что мама потеряет меня — она сейчас, скорее всего, крепко спит после пережитого. Мы спускаемся со второго этажа, и я хмурюсь из-за странной прохлады, которая преследует меня уже третий день.

Проходим через стеклянные двери и оказываемся на больничном крыльце. Ещё три дня назад в это время город изнывал от августовского зноя, а сейчас воздух был таким, словно кто-то выкрутил термостат на минимум. Ронни поёжилась, обхватив себя руками за плечи, и посмотрела на меня с беспокойством.

— Слушай, Лив, мы же не знаем, сколько вы тут ещё будете. Нам нужно привезти вам вещей, воды, может, еды какой-то. Список составь, что нужно, мы мигом слетаем.

Я хотела ответить, но не успела — зубы застучали, по коже побежали мурашки. Люк, стоявший ближе всех, заметил, как я вздрогнула. Не говоря ни слова, он стянул с себя плотную спортивную куртку и набросил мне на плечи. От ткани пахло дождём и чем-то знакомым, домашним, но это не спасало — холод пробирал до костей.

Я подняла голову к небу и замерла. В середине августа, когда в Сиэтле обычно стоит душное марево, над головой висело низкое, тяжёлое небо свинцово-серого цвета.

— Лив? — позвала подруга.

— А? Нет, ничего не нужно. Мы ходим в кафе тут недалеко, — ответила я.

— Лив, ты не стесняйся... — начал было Брэд, собираясь возразить, но я его не услышала.

Мой взгляд зацепился за фигуру на дороге. Прямо посередине проезжей части, игнорируя редкие машины, шёл мужчина. Он выглядел как человек, который не спал и не ел неделями: грязный, в одежде, которая висела на нём мешком. Двигался он рывками, постоянно озирался по сторонам.

— Что он делает? — спросила я, указывая подбородком в его сторону.

Друзья одновременно обернулись. Тишина августовского вечера, нарушаемая только далёким гулом города, внезапно лопнула. Мужчина резко остановился, вскинул руки к небу и издал такой пронзительный, срывающийся на визг крик, что я невольно отшатнулась, вжавшись в плечо Люка.

— Этому миру скоро придёт конец! — заорал он, и его голос, хриплый и надрывный, эхом отразился от зданий. — Вы все настолько слепы, что, когда наступит судный час, вы будете плакать кровавыми слезами!

Он не просто кричал, он захлёбывался этими словами, выплёвывая их в пустоту, словно каждое давалось ему с физической болью. Его глаза, безумные и широко распахнутые, метались по сторонам, будто он видел то, чего мы не могли заметить.

— Слышите меня?! — он начал бить себя кулаками в грудь, и глухие удары прозвучали пугающе отчётливо. — Никто не спрячется! Вы будете молить о смерти, когда небо упадёт на ваши головы, но будет поздно! Судный час уже здесь!

Прохожие на тротуаре прибавляли шаг, озираясь на него, другие доставали телефоны и начинали снимать.

— Я его видела уже сегодня. Он уже неделю ходит по улицам и пугает людей, — сказала Ронни. Тем временем мужчина продолжал орать, превращая слова в какой-то животный, нечеловеческий вой.

— Что у таких людей на уме? — хмыкнул Брэд, и мы все отвернулись, когда этот странный мужчина исчез за поворотом.

— Ребят, спасибо, что пришли, но я, наверное, вернусь к маме. Что-то холодно на улице, я уже промёрзла прямо до костей.

— Не говори, что-то совсем похолодало, — согласился Люк.

Едва он успел закончить фразу, как небо над нами внезапно раскололось. Ослепительная, неестественно яркая вспышка молнии на долю секунды превратила вечернюю улицу в выжженное белое пространство, а следом ударил гром такой силы, что у меня внутри всё завибрировало, а в ушах заложило от резкого скачка давления. По всей улице, как по команде, взвыли десятки автомобильных сигнализаций, сливаясь в нестройный, пугающий гул.

Ронни вскрикнула и инстинктивно присела, закрыв голову руками. Люк резко дёрнулся и вцепился в мой локоть. Брэд выругался сквозь зубы, вжимаясь в стену больницы. Я видела, что происходило вокруг: прохожие, которые ещё секунду назад лениво шли по тротуару, в панике застыли, кто-то выронил телефон, кто-то бросился бежать к дверям кафе на той стороне дороги, спотыкаясь на ровном месте. Гул сирен нарастал, перекрывая даже шум ветра.

В ту же секунду, без единой капли предупреждения, на город обрушился ледяной ливень. Вода хлынула так плотно, что видимость пропала за секунду. Дворники машин, пытавшихся куда-то ехать, не справлялись с потоками. Люди на улице в ужасе бросились врассыпную, пытаясь укрыться под козырьками зданий. Улица мгновенно опустела, превратившись в хаотичное месиво из бегущих фигур, мигающих фар и воющих сирен.

Мы забежали в больницу. Сквозь залитые водой окна почти ничего не было видно.

— Это что было, мать вашу? — Брэд вцепился в дверную ручку, едва не сорвав её с петель, когда холл накрыло очередной ослепительной вспышкой.

В ту же секунду снаружи раздался такой грохот, будто небо рухнуло на землю. Мы стояли у огромного окна, и прямо на наших глазах молния ударила в трансформаторный столб на другой стороне дороги. Яркий, почти белый разряд прошил его насквозь, высекая снопы огненных искр, которые разлетелись во все стороны, как раскалённый металл. Свет в больнице мигнул раз, другой, а потом всё здание провалилось в абсолютную черноту.

На секунду наступила звенящая, мёртвая тишина, которую тут же разорвал крик. Кто-то в коридоре завопил от ужаса, затем последовал глухой удар — видимо, кто-то упал в темноте. Люди метались, не зная, куда бежать. Послышался мужской крик:

— Прекратить панику! Свет заработает буквально через несколько минут!

— Мне нужно к маме! — я взяла за руку подругу. Брэд и Люк посмотрели на меня.

Свет действительно включился, и паника потихоньку стала утихать.

— Если что, ты звони. Кто-нибудь из нас обязательно привезёт всё необходимое. Хорошо?

— Хорошо. Спасибо.

Я кивнула ребятам и быстрым шагом направилась к лестнице на второй этаж. Почти весь персонал был в коридорах, помогая людям, которые ударились или упали при отключении электричества. Когда я поднялась на нужный этаж, мама стояла с мужчиной. Он что-то говорил, а она кивала, прижимая руку ко рту. Внутри зародился неприятный, липкий страх, когда я увидела, что она снова плачет. Превозмогая боль в рёбрах, я почти бегом подбежала к ним и услышала последние слова.

— ...Примите мои соболезнования, ваш муж скончался.

Глава 2

Я медленно спускалась по лестнице, стараясь не опираться на перила: каждое движение отзывалось тупой, ноющей болью в рёбрах, напоминая о том, что тело ещё не восстановилось. В правой руке я сжимала спортивную сумку, набитую вещами для Алексы: зубные щётки, чистые футболки, сменное бельё, книга, которую она так и не успела дочитать... Список, который я составляла, казался абсурдным. Зачем всё это человеку, который застрял где-то между мирами?

Гостиная встретила меня давящей пустотой. Телевизор был включён — мама не выключала его с момента похорон, видимо, боясь остаться в полной тишине. С экрана лился какой-то бодрый репортаж о городских событиях, вникать в который я даже не стала. Я опустилась на край дивана, поставила сумку у ног и замерла.

Взгляд сам собой остановился на пятне света от лампы на ковре. Оказывается, мы тоже не выключили её. И в голове, словно на перемотке, завертелись события последних двух суток.

Два дня. Два чёртовых дня, за которые всё, что я считала фундаментом своей жизни, рассыпалось в прах.

Я помнила всё как в тумане: бесконечный поток людей в чёрном, тяжёлый запах лилий, от которого до сих пор тошнило, и лицо мамы — маска, на которой застыли слёзы. Похороны прошли как в дурном сне. Дождь тогда лил так, будто небо решило смыть нас всех, и земля на кладбище превратилась в липкое месиво. Я помнила холод, который пробирал до костей, и то, как стояла, чувствуя себя не дочерью, а какой-то пустой оболочкой.

Как же странно устроена жизнь. Ровно семь дней назад я сидела на полу своей съёмной квартиры в другом районе города, окружённая горой коробок. Я подписывала бумаги о разводе, чувствуя себя абсолютно разбитой, но в то же время — свободной. Тогда мне казалось, что это самое страшное, что могло случиться: в двадцать восемь лет осознать, что ты совершила глупую ошибку, вышла замуж за человека, который оказался чужим, и теперь начинаешь всё с чистого листа.

Я помнила слова отца. Он тогда звонил мне каждый вечер.

— Лив, приезжай, отдохни у нас, забудь об этом недотёпе. Мы все ждём тебя. А потом я оторву ему яйца, я обещаю, моя маленькая.

Я сжала края диванной подушки так, что побелели костяшки. Моя личная драма — этот развод, мои слёзы, мои страдания из-за разрушенного брака — всё это теперь казалось таким мелким, таким ничтожным на фоне той пустоты, которая образовалась в этом доме. Я была взрослой женщиной, которая должна была быть сильной, но вместо этого чувствовала себя маленькой девочкой, которой снова нужно учиться ходить — только теперь делать это ещё и за двоих.

Перед глазами внезапно всплыла сцена в больнице, сразу после того, как нам сообщили о смерти папы. Нас нашёл лечащий врач Алексы и проводил в свой кабинет.

— Миссис Райт, состояние Алексы нестабильно, но у нас есть возможность перевести её в специализированный реанимационный модуль. Это закрытая система жизнеобеспечения с интегрированной нейростимуляцией и полным контролем метаболических процессов. Если говорить проще — это капсула, которая замедляет все дегенеративные процессы в мозге и даёт организму автономный ресурс для восстановления, пока тело находится в глубокой стазис-терапии.

— Это поможет ей? — голос мамы дрожал, но в нём появилась слабая искра надежды.

— Это наш самый эффективный шанс, — кивнул врач, глядя на нас с пониманием. — Система возьмёт на себя все функции её нервной системы, минимизирует риски и даст орга-

низму возможность сконцентрироваться только на выздоровлении. Это передовая технология, и мы можем поместить её в такой модуль уже сегодня.

*В тот момент это было единственным, что удерживало нас на плаву. Мы подписали все документы, не колеблясь ни секунды. Это был не просто шанс — это была возможность вырвать Алексу у смерти, дать ей лучшее, что есть в современной медицине. Я до сих пор помню это облегчение, когда её перевезли в этот бокс: я знала, что она под надёжной защитой, что машина сделает для неё всё, на что не способен человек. А с*амое главное — это давало маме силы не сломаться окончательно.

Мой взгляд невольно оторвался от ковра и остановился на экране телевизора. По ту сторону на меня смотрела приятная молодая девушка-диктор, которая с очень серьёзным лицом рассказывала о чём-то, что я сначала не поняла.

— ...Подобные атмосферные аномалии фиксируются одновременно на всей территории штата Вашингтон и части соседнего Орегона, — голос диктора звучал отстранённо, но в нём проскальзывали нотки едва скрываемой тревоги. — Метеорологические службы затрудняются дать точный прогноз. То, что началось как кратковременный грозовой фронт, переросло в затяжную серию интенсивных осадков, сопровождающихся крайне редкими для нашего региона мощными электрическими разрядами.

На экране сменилась картинка. Теперь показывали карту, где жирными, пульсирующими красными линиями были обозначены зоны аномальной активности. Весь Сиэтл и близлежащие округа оказались в самом эпицентре этого «шторма».

— Специалисты отмечают, что интенсивность грозовой активности превышает нормы в десятки раз. Власти призывают граждан воздержаться от поездок и по возможности оставаться в помещениях. Сообщается о массовых сбоях в работе электросетей и перебоях со связью. Просим сохранять спокойствие и следить за официальными сообщениями. Повторяю: из-за непредсказуемой траектории движения фронта ситуация может осложниться в ближайшие часы.

Я перевела взгляд на сумку с вещами для Алексы, потеряв всякий интерес к телевизору. Значит, мне нужно будет прорываться через этот ливень? В груди шевельнулось сомнение. Если даже власти предупреждают о сбоях, безопасно ли это? Но мысль о том, что Алекса там одна, пересилила страх.

Я встала с дивана, чувствуя, как ноют рёбра, и подошла к окну. Снаружи было темно и пасмурно, свинцовое небо прижалось к крышам домов, а плотные струи дождя, словно стальные прутья, непрерывно барабанили по стеклу. И в этот же момент сквозь пелену ливня прорезали темноту два ярких луча света. Машина свернула с дороги и резко, почти на пределе скорости, затормозила у нашей подъездной дорожки. Шины с визгом проскользили по мокрому асфальту, едва не врезавшись в бордюр.

Сквозь мутное, залитое водой стекло я не могла разобрать ни марки, ни цвета автомобиля — лишь тёмное пятно, с трудом проступающее сквозь серую дневную мглу. Дверцы распахнулись почти одновременно. Из салона выбрались двое. Дождь был настолько плотным, что фигуры казались лишь размытыми чёрными силуэтами, которые в любую секунду могли раствориться в серой пелене дня.

Кто они? И почему, чёрт возьми, они здесь в такой ливень?

Силуэты стремительно преодолели дорожку и скрылись под козырьком нашего крыльца. Секунду спустя по дому разнёсся резкий, настойчивый звук дверного звонка, сменившийся глухим, тяжёлым стуком.

Мама, до этого неподвижно сидевшая в кресле, вздрогнула и повернула голову в сторону коридора. Её взгляд был всё таким же пустым, но теперь в нём промелькнул испуг.

— Лив? — тихо позвала она, и её голос дрогнул от напряжения.

— Я посмотрю, — ответила я.

Я двинулась к выходу. Стук повторился, на этот раз громче, требовательнее. Если это друзья, они бы звонили на телефон, а не ломились в дом. Я глубоко вздохнула, коснулась холодного металла дверной ручки и, помедлив долю секунды, резко распахнула дверь.

На пороге, стряхивая воду с промокших курток, стояли двое парней. Первый, тот, что был ближе ко мне, выглядел так, словно только что пробежал марафон под проливным дождём. У него были светлые, почти платиновые волосы, которые сейчас прилипли ко лбу, и холодные, пронзительно-серые глаза, широко распахнутые от лихорадочного напряжения. Он был высоким, в промокшей до нитки кожаной куртке, которая явно не была рассчитана на такую стихию. Его лицо, резкое и по-мальчишески острое, выглядело встревоженным — он смотрел на меня так, будто ждал, что я сейчас захлопну дверь прямо перед его носом.

Второй, стоявший чуть поодаль, казался его полной противоположностью. Густые, иссиня-чёрные волосы, которые тоже насквозь пропитались водой, падали на высокий лоб. У него были глубокие, тёмные карие глаза — почти чёрные, — в которых читалась не столько тревога, сколько странная, пугающая сосредоточенность. Он был коренастее своего спутника, с тяжёлым, волевым подбородком и плотно сжатыми губами.

— Лив? — спросил блондин, а я даже не сразу поняла, что он обратился ко мне по имени.

— Мы знакомы? — опомнилась я.

— Нет, мы не знакомы, но я знаю тебя. То есть Алекса рассказывала о том, что у неё есть старшая сестра.

— Окей. Чем могу помочь? — Я вцепилась пальцами в дверной косяк и настороженно осмотрела обоих парней.

— Я извиняюсь за бестактность, но мы можем зайти в дом? — спросил всё тот же блондин. — Я парень Алексы, мне очень нужно узнать, хорошо ли с ней всё. Меня зовут Энди. Я только приехал в Сиэтл и узнал о том, что она в больнице.

— Парень? — переспросила я, чувствуя, как внутри закипает странная смесь недоверия и глухого раздражения. — Алекса никогда не упоминала о...

Я осеклась. В последние несколько месяцев я вообще ничего не знала о жизни своей сестрёнки, поэтому было бы глупо утверждать обратное.

— Ладно, — вздохнула я, отступая в сторону и открывая проход шире. — Входите.

Они шагнули в прихожую, принося с собой запах озона, мокрой кожи и чего-то ещё — резкого, металлического, с нотками мяты. Энди расстегнул промокшую куртку, обнажив простую тёмную футболку. Его спутник так и остался стоять около двери, не проронив ни слова.

— Спасибо, — тихо сказал Энди, глядя на меня с отчаянной мольбой во взгляде. — Я понимаю, как это выглядит. Но поверьте, сейчас это единственный вопрос, который имеет значение.

Мама поднялась с кресла в гостиной, услышав голоса. Она вышла в коридор, кутаясь в тёплый кардиган, и её бледное, измученное лицо выражало полное замешательство.

— Лив? Кто это? — её голос прозвучал слабо, но в нём прорезались нотки опасения.

Энди, заметив маму, сделал шаг вперёд, инстинктивно выпрямившись.

— Здравствуйте, миссис Райт. Простите, что врываемся так... без предупреждения. Меня зовут Энди. Я... я был близок с Алексой. И мне нужно знать всё. Что именно врачи сказали о её состоянии? Я из-за этой погоды не смог вовремя вернуться в город, поэтому, как только у меня получилось, я сразу отправился сюда.

— Моя дочь не рассказывала о том, что у неё есть парень, — сказала мама и внимательно осмотрела двоих незнакомцев.

Я же отошла к порогу кухни и упёрлась плечом в косяк, складывая руки под грудью.

— Мы собирались вам рассказать о том, что встречаемся, но обстоятельства сложились так, что я уехал на соревнования.

— Алекса в коме, в тяжёлом состоянии, — пробормотала мама, прижимая дрожащую ладонь ко рту. — В данный момент её поместили в медицинский бокс и сказали, что остаётся только ждать.

Энди пошатнулся и, как мне показалось, на долю секунды перестал дышать. В его серых глазах отразился такой первобытный ужас, что мне на мгновение стало даже жаль его. Он сжал кулаки так, что костяшки побелели, и перевёл взгляд на маму, которая всё ещё дрожащей рукой прикрывала рот.

— В коме? — переспросил он. — Но... как?

Мама лишь бессильно опустила руку и отвела взгляд, не в силах продолжать. Видя, что она вот-вот сорвётся, я решительно шагнула вперёд, привлекая внимание.

— Слушай, мама не в состоянии сейчас это обсуждать. Врач сказал, что у Алексы тяжёлая черепно-мозговая травма и сильный отёк мозга. Ситуация критическая. Из-за того, что обычная терапия не давала нужного эффекта, они решили использовать этот «медицинский бокс» — это закрытая система нейростимуляции и стазис-терапии. По словам доктора, это единственный способ затормозить повреждение тканей и дать организму шанс на автономное восстановление. По сути, она сейчас под полным контролем электроники, которая держит её в искусственном сне.

Энди молчал, глядя на меня в упор, и было видно, как он с трудом переваривает каждое слово. Его друг-брюнет всё так же неподвижно стоял у двери, внимательно слушая наш разговор.

— Мы как раз собирались ехать в больницу, — добавила я, кивнув на сумку с вещами у дивана. — Если ты хочешь быть там, то поехали с нами. Больше всё равно ничего не сделаешь, остаётся только ждать новостей вместе с нами.

Энди быстро кивнул, соглашаясь, и на мгновение в его глазах блеснуло что-то вроде облегчения.

— Спасибо, — выдохнул он. — Я готов.

— Мы подвезём, — отозвался брюнет за спиной Энди, и я посмотрела на него.

— Хорошо, — кивнула я. — Мам, ты готова?

— Да.

Она зашла в гостиную и забрала свою сумку, а я подошла к дивану за вещами, приготовленными для Алексы. Вернувшись к дверям, мы с мамой вышли на улицу и увидели, что знакомые Алексы уже шли по дорожке, о чём-то разговаривая. По ощущениям, стало ещё холоднее, а когда-то сильный ливень превратился в моросящий дождь. У подъездной дорожки стоял автомобиль, который в этом сером пейзаже выглядел как настоящий пришелец из прошлого. Наш папа бы сейчас присвистнул от такого шедевра. Это был легендарный Mustang Fastback 1968 года. Его кузов, выкрашенный в глубокий, глянцевый чёрный цвет, был в безупречном состоянии. Ни единого пятнышка ржавчины, ни единой царапины — он выглядел так, словно только что сошёл с конвейера или, скорее, из рук одержимого реставратора.

Хром на бамперах и окантовке фар сверкал, отражая скудный дневной свет. Машина буквально излучала мощь и какую-то породистую хищность. Двигатель работал ровно и тихо, но в этом звуке чувствовалась скрытая, спящая сила, готовая в любой момент сорваться в безумный рёв.

Энди и его молчаливый спутник уже ждали нас у машины.

— Садитесь, — бросил брюнет, откидывая спинку переднего сиденья, чтобы мы могли пробраться назад.

Я помогла маме протиснуться на задний диван. В салоне пахло дорогой кожей и мужским мятным парфюмом. Я втиснулась следом, и, несмотря на то что машина была двухдверной, места внутри оказалось предостаточно.

Машина плавно выехала со двора, и мотор «Мустанга» отозвался низким, утробным рыком, который ощущался даже через подошвы моих кроссовок. Мы растворились в серой дымке моросящего дождя.

Внутри царила давящая, почти осязаемая тишина. Парень за рулём сосредоточенно смотрел на дорогу, его руки в кожаных перчатках уверенно лежали на руле — он не проронил ни слова. Энди, сидевший рядом, застыл, вцепившись пальцами в край своего сиденья. Его челюсти были сжаты так плотно, что желваки ходили ходуном; он явно переживал.

Я медленно повернулась к маме. Она сидела, вжавшись в кресло, и выглядела сейчас ещё более хрупкой, чем обычно. Её светлые волосы, которые она всегда убирала в простую причёску, сейчас слегка растрепались, обрамляя бледное лицо. Но больше всего меня всегда поражали её глаза — огромные, насыщенно-синие, цвета глубокого океана. В них всегда читалась какая-то мягкость, но сейчас они казались просто двумя стеклянными пустотами, в которых застыла невыносимая боль.

Я долго смотрела на неё, замечая каждую новую морщинку у уголков глаз, каждую тень усталости, залегающую под ними. Она смотрела прямо перед собой, не моргая, будто в её памяти прокручивался бесконечный фильм с тем роковым днём.

Я протянула руку и накрыла её ладонь своей. Её пальцы были ледяными, но, когда я крепко сжала их, она вздрогнула и медленно перевела на меня взгляд. В этих синих глазах на секунду отразилась такая беспомощность, что у меня перехватило дыхание. Я не нашла слов, чтобы утешить её, да и не было их — этих слов, способных вернуть всё на свои места. Я отвернулась к окну, не отпуская её руку. Мимо проносились размытые очертания пустых улиц и серые фасады домов. Чем ближе мы подъезжали к больнице, тем сильнее мир за стеклом превращался в безликое пятно. Я всматривалась в тротуары, пытаясь зацепиться взглядом хоть за что-то живое, но прохожих словно не существовало — город вымер, оставив нас один на один с давящей серостью. Наконец, шины с глухим звуком свернули на территорию клиники, и мы затормозили у главного входа. Дверь «Мустанга» распахнулась почти сразу: парень за рулём вышел первым, обошёл машину и молча помог маме выбраться из низкого кожаного салона. Я выбралась следом, чувствуя, как холодный влажный воздух пробирает до костей. Энди, уже стоявший на асфальте, кивнул нам, не дожидаясь приглашения, и мы плотной группой направились к крыльцу.

— Энди, я позже зайду, — предупредил его друг, когда у него зазвонил телефон.

Открыв дверь, мы вошли в просторный холл, где царил покой. Девушка за стойкой ресепшена приветливо улыбнулась нам, не проронив ни слова. Мама шла впереди нас с Энди, а когда мы завернули вправо, к лестнице, ведущей на второй этаж, я засунула руку в карман и, не найдя там телефона, остановилась.

— Мам, вы идите, я, кажется, выронила телефон в машине. Схожу и вернусь.

— Беги, дорогая.

Развернувшись, я быстро направилась обратно через холл и, остановившись у выхода, чтобы пропустить молодую пару с ребёнком, снова вышла на крыльцо. Я стала искать глазами машину. Она оказалась припаркованной сбоку, а друг Энди стоял в нескольких шагах от неё. Я быстро спустилась по лестнице и направилась в его сторону, когда заметила, что на территорию парковки влетел чёрный мотоцикл. Он пронёсся мимо меня, и я ойкнула, когда брызги из лужи полетели на мои джинсы. Водитель никак не отреагировал на мои возмущения, проехал дальше и остановился около «Мустанга». Мне пришлось порыться в сумке, достать салфетки и остановиться, чтобы стереть грязь, а потом продолжить идти. К моменту, когда я поравнялась с припаркованным рядом мотоциклом, друг Энди заметил меня, а приехавший на байке незнакомец в этот момент снял шлем, заправляя примятые волосы назад.

— Я, кажется, телефон оставила на заднем сиденье. Не могли бы вы достать его? — поинтересовалась я.

— Хорошо, сейчас посмотрю, — ответил он и направился к машине. Открыв дверь, он по пояс скрылся в салоне, пока я вытирала руки о салфетку, поглядывая на незнакомца на байке.

— Хоть бы извинился, — пробормотала я и, кажется, сделала это громко, потому что он повернул голову и уставился на меня разноцветными глазами. Он был копией друга Энди, за исключением глаз и чуть более длинных волос, которые закрывали ему лоб и уши, а от влажности немного завивались на концах.

— Извиниться? Детка, не сахарная, не растаешь, — с наглой усмешкой заговорил незнакомец. Его голос был немного грубее, чем у брата.

— Хам! — выпалила я, гневно всматриваясь в наглое лицо, которое сейчас засияло, словно я сделала комплимент. На его пухлых губах заиграла ухмылка.

В этот момент из салона «Мустанга» выпрямился брат незнакомца. Он перевёл взгляд с меня на близнеца, слегка нахмурился и с явным укором бросил:

— Сайленс, полегче. Придержи коней.

Сайленс на это замечание лишь ещё шире улыбнулся, не сводя с меня своих разноцветных глаз, в которых плясало неприкрытое веселье.

— Да ладно тебе, — протянул он, демонстративно расслабляясь на сиденье байка и положив руки на руль. — Я всего лишь даю девушке дельный совет, как не портить себе настроение из-за пустяков.

Его брат только покачал головой, явно привыкший к такому поведению, и, не вступая в дальнейшие пререкания, протянул мне мой телефон.

— Вот, держи. Извини за него, он сегодня явно встал не с той ноги, — сказал он спокойным, ровным голосом, полностью игнорируя подколы близнеца.

Сайленс же, будто чувствуя, что внимание теперь приковано к нему, поудобнее устроился на своём байке. Он окинул меня насмешливым взглядом, задержавшись на секунду чуть дольше, чем того требовали приличия, и подмигнул мне. Его уверенность в себе была почти осязаемой.

— Ничего, — ответила я и, развернувшись, быстро направилась в сторону больницы, чувствуя на себе взгляд, который прожигал мне спину.

Я вошла в просторный холл больницы, где по-прежнему царила гнетущая тишина, прерываемая лишь приглушённым писком аппаратуры где-то в глубине коридоров. Я нашла нужное отделение, едва переводя дыхание. В коридоре было пусто, лишь тусклый свет ламп отражался в отполированном до блеска полу.

Я остановилась перед широким обзорным окном. Стекло было холодным, и, когда я коснулась его кончиками пальцев, внутри всё сжалось от увиденного. Посреди помещения, залитого мягким, чуть зеленоватым светом, возвышалась капсула. Она выглядела чем-то инородным: футуристичная, обтекаемая, вся опутанная тонкими трубками и проводами. Рядом с ней стояли два больших баллона. Алекса лежала внутри, измождённая и такая крошечная, что сердце сжалось от боли.

Я вспомнила слова врача, которые эхом отдавались в голове, когда он объяснил суть этого лечения: «Это экспериментальная разработка одного из частных медицинских центров, которую внедрили всего пару месяцев назад. В обычных больницах такого не было — только в Сиэтле, и только для самых тяжёлых случаев».

Глядя на то, как медленно поднимается и опускается грудная клетка сестры, поддерживаемая этой сложной конструкцией, я поняла, что грань между жизнью и чем-то другим здесь стала пугающе тонкой. Капсула казалась не спасением, а хрупкой оболочкой, единственным, что удерживало Алексу в этом мире. Я прижалась лбом к прохладному стеклу, чувствуя, как по щекам сами собой катятся слёзы, и в этот момент мне показалось, что я слышу лишь гул этой странной машины, заменяющей моей сестре дыхание.

Тёплая мамина рука обхватила меня за плечи, и я прикрыла глаза, стараясь собраться с духом. Я знала, что Алекса сильная, она обязана справиться и выжить, иначе я себя и маму не смогу вытащить из пучины отчаяния.

— Сейчас разговаривали с лечащим врачом, он не сказал об улучшениях, всё по-прежнему, — прошептала мама, а я открыла глаза. Энди стоял с другой стороны и, не мигая, смотрел на Алексу; его правая рука лежала на раме окна, сжатая в кулак.

— Она поправится, вот увидите! — заявила я. Голос хоть и был пропитан горечью, но я отказывалась верить в другой, более страшный исход. — Алекса придёт в себя и снова улыбнётся своей завораживающей улыбкой.

— Так и будет, — тихо подтвердил Энди.

По коридору раздались шаги, и около нас остановились две пары ног. Я даже не стала оборачиваться, чтобы посмотреть на братьев.

— Как это произошло? — тихо спросил Энди. Мама всхлипнула, я убрала её руку и обняла.

— Я не помню, — ответила я. — Всё случилось настолько быстро, что никто из нас пикнуть не успел.

— Водитель фуры не справился с управлением и начал тормозить, его гружёный прицеп занесло, а мой муж вылетел на встречную полосу. Он хотел уйти от столкновения, но в его сторону влетел другой автомобиль.

— Соболезную. Алекс говорила, что у вас был клёвый отец.

Я против воли улыбнулась, мысленно соглашаясь со словами сестры: папа для нас действительно был лучшим.

— Энди, ты едешь? — услышала я голос одного из братьев и быстро стёрла слёзы. Парень около меня тоже глубоко вздохнул и повернулся ко мне.

— Вас подкинуть домой?

Я посмотрела на маму и увидела в её глазах несогласие: она была готова сидеть в больнице круглые сутки, но прекрасно понимала, что этим мы ей никак не поможем. Поэтому я сжала мамино плечо и повернулась к Энди.

— Если вас не затруднит.

— Подвезём, — кивнул он, и мы все отошли от окна, потихоньку начиная движение по коридору.

Меня отвлекла трель входящего уведомления. Отпустив маму, я достала телефон и увидела СМС от Ронни.

«Лив, ты это видишь?» — гласило сообщение.

«Ты о чём?»

Мы завернули к лестнице и начали спускаться вниз. По мере приближения к первому этажу до нас доносился какой-то неразборчивый поток голосов.

«Посмотри на улицу», — пришёл ответ.

Я убрала телефон в задний карман джинсов, осмотрела окна холла, но сквозь них ничего не видела: точнее, за стеклом всё было абсолютно белым.

— Это что такое? — послышались перешёптывания, когда Сайленс толкнул дверь и мы вместе с небольшой группой людей вышли на крыльцо больницы.

Нас в ту же секунду обволокло непроглядное белое облако, похожее на плотный туман. От него по коже пробежал холодок, а затем на ней стали оседать капельки воды. Мама молча придвинулась ко мне и взяла меня за руку, сжав пальцы с едва уловимой, но ощутимой неуверенностью. Она стояла рядом, вглядываясь в белую мглу, и я чувствовала, как она напряглась, пытаясь осознать, почему видимость упала до нуля за одно мгновение.

— Вы что-нибудь видите?

— Неа.

— Что за хрень?

Где-то далеко, в глубине городских кварталов, послышался приглушённый гул, похожий на раскат грома. Я нахмурилась, прислушиваясь. Через пару секунд звук повторился, но стал отчётливее — резкий скрежет металла о металл, доносящийся откуда-то с другой стороны. Мама встревоженно повернула голову в сторону звука. Её дыхание стало чуть чаще, но она сохраняла полное спокойствие, лишь сильнее сжимая мою ладонь.

Звук нарастал. С каждой секундой удары становились всё громче и ближе, сливаясь в оглушительный грохот.

— Энди, что происходит? — тихо спросила я, стараясь сохранить ровный голос, хотя внутри начала закипать тревога.

— Эй, народ, надо валить.

Энди, который до этого стоял чуть поодаль, шагнул к нам. Его лицо было серьёзным. Он прислушивался к нарастающему грохоту, который теперь заполнил всё пространство вокруг.

В ту же секунду, когда шум достиг своего апогея, прямо перед нами, в густом мареве, раздался нечеловеческий, полный дикой боли крик. Он был настолько резким и внезапным, что у меня перехватило дыхание.

— Живо в холл! Все внутрь! — скомандовал Энди. Его голос прозвучал чётко и властно. Он не стал ждать, пока мы осознаем происходящее, а подтолкнул нас к дверям.

Мы попятились, уходя от белой стены тумана, и ввалились в холл больницы. Как только двери захлопнулись, за нашими спинами, прямо из тумана, донеслись десятки других голосов — пронзительные, надрывные крики людей, которые ещё секунду назад были где-то рядом.

А потом открылся портал в ад…

Глава 3

Мы влетели в холл на полном ходу, охваченные первобытным желанием как можно скорее отгородиться от того, что происходило снаружи. По инерции наша группа врезалась в плотную стену людей, уже стоявших у входа. Толпа, сбитая в кучу, удержала нас от падения, став живым щитом.

Внутри больницы стояла неестественная, липкая тишина. Все — пациенты, посетители, персонал — замерли, как истуканы, припав к окнам. В помещении слышались лишь редкие, неуверенные перешёптывания, но они тут же гасли, стоило им долететь до первого ряда, до тех, кто смотрел прямо в белую пелену тумана.

Снаружи снова раздался скрежет, переходящий в истошный крик, и я, не отдавая себе отчёта, судорожно вцепилась в чьё-то предплечье, вжимаясь всем телом в незнакомца. Я чувствовала, как за моей спиной дрожит мама: она молчала, но её страх ощущался почти физически, передаваясь мне через холод её пальцев.

А затем наступила абсолютная, звенящая тишина. Она была настолько плотной, что, когда по улице прокатился далёкий, едва слышный гул, он прорезал воздух отчётливо, словно удар колокола, даже за толстыми стеклянными дверями. Мы все затаили дыхание, не смея пошевелиться, вглядываясь в белое марево, которое медленно просачивалось сквозь мельчайшие щели в рамах.

И тут в этой белизне начали твориться странности.

Прямо за стеклом, в самом центре тумана, вспыхнули и тут же погасли тёмные пятна. Они хаотично появлялись, на долю секунды принимая причудливые, рваные очертания, исчезали и возникали снова, будто кто-то невидимый с той стороны пытался прорвать саму ткань реальности. Это зрелище завораживало и пугало до дрожи. Казалось, будто сам мир распадается на части, открывая проход в нечто такое, чему не было места среди нас.

— Что это, мать вашу? — раздался чей-то испуганный и дрожащий голос у меня за спиной. Превозмогая липкое беспокойство, которое перерастало в страх, я повернула голову и заметила одного из братьев, имени которого до сих пор не знала. При этом я сама вцепилась в Сайленса мёртвой хваткой. Он тем временем осматривал моё лицо разноцветными глазами.

— Народ, кажется, надо уносить ноги. Что это за хрень? — послышался голос среди толпы. Я не видела этого человека, но мой взгляд снова вернулся к дверям.

Непонятные хаотичные движения пятен постепенно выровнялись, и через пару секунд все разом вскрикнули, когда это нечто с чавкающими звуками соприкоснулось со стеклом.

Я кричала так, что закладывало уши. Меня вместе с основной массой людей начало уносить в ту сторону, куда все разбегались, увидев, что в месте удара на стекле осталось кроваво-красное пятно. Толпа, превратившаяся в обезумевший поток, подхватила меня и с чудовищной силой швырнула вправо, туда, где полукругом тянулись витражные окна. Меня буквально выплюнуло из общей массы. Я не удержалась на ногах. Бетонный пол больно ударил меня по коленям, и я, охнув, заскользила по гладкой плитке, пока по инерции не впечаталась в прохладную поверхность стекла и не упёрлась в него руками.

Я вскинула руки, упираясь ладонями в витраж, чтобы не удариться лицом. Но стоило моим пальцам коснуться стекла, как время растянулось, превращаясь в тягучую, кошмарную паузу.

Словно в замедленной съёмке, которую воспроизводило моё ошалевшее сознание, я видела, как лицо человека сплющивается о многослойное, бронированное стекло. Удар пришёлся в нескольких сантиметрах от моего лица, отчётливо показывая, как плоть сминается о холодную поверхность. Сначала — нос и скулы, которые сплющились, словно пластилин, а

затем — глаза, которые лопнули от чудовищного давления. Стекло не разбилось сразу: оно прогнулось, приняв очертания его черепа, прежде чем покрыться паутиной мелких трещин.

Кровь. Она хлестнула густым, ярко-алым веером, забрызгав витраж с той стороны горячими каплями, которые тут же начали медленно сползать вниз.

Я задохнулась. Мои пальцы, до побеления вцепившиеся в стекло, дрожали. Реальность поплыла. Между нами было всего несколько сантиметров стекла, но этот человек ещё секунду назад был живым, а теперь от него остался лишь безжизненный отпечаток на витрине. Его тело обмякло, лишённое воли, и сползло вниз по треснутой поверхности, оставляя за собой широкий кровавый след, похожий на неровный мазок безумного художника.

Животный ужас парализовал всё: сердце, мысли, способность двигаться. Я не могла даже закричать, лишь смотрела, не мигая. Перед глазами стояло только одно: этот человек превратился в кровавое месиво, даже не успев осознать, что умирает.

Мои ладони, всё ещё лежавшие на стекле, чувствовали, как ледяная поверхность вибрирует от ударов. Люди словно сошли с ума, бросаясь на стёкла со всех сторон. Мир вокруг превратился в приглушённый гул, в котором крики людей слились в один монотонный, сводящий с ума вой.

— Лив! Лив, чёрт возьми, смотри на меня!

Голос был где-то далеко, словно доносился из-под толщи воды. Кто-то рванул меня за плечо, заставляя обмякшее тело развернуться. Я не чувствовала своих ног, не понимала, где верх, а где низ: перед глазами всё ещё стояли лопнувшие глаза того человека и раздавленная плоть, прижатая к стеклу. Кажется, я упала на пол, но сильные руки подхватили меня под мышки, рывком поднимая на ноги. Я закачалась, не в силах сфокусировать взгляд. Передо мной возникло лицо Сайленса. Вроде он. Точно это был он. Его разноцветные глаза, обычно насмешливые, сейчас полыхали яростью и испугом. Он тряс меня за плечи, выкрикивая что-то, но слова рассыпались в пыль, не достигая сознания.

— Лив! Ответь мне! Ты слышишь?! — Он продолжал орать прямо в лицо. Его дыхание было прерывистым, а пальцы впивались в мои плечи так, что, казалось, должны были оставить синяки.

Но я не могла. Я просто смотрела сквозь него, туда, к витражу, где на стекле остался этот жуткий, неровный отпечаток смерти. Моё сознание окончательно захлебнулось в ужасе, превратившись в вату.

Вспышка боли обожгла левую щёку.

Резкий, хлёсткий удар заставил голову дёрнуться в сторону. Звук пощёчины прозвучал сухим выстрелом в общем хаосе холла. Я на секунду опешила. Острая жгучая боль на щеке сработала лучше любого нашатыря — реальность с глухим стуком вернулась на место. Я часто заморгала, чувствуя, как к глазам подступают слёзы, и наконец сфокусировала взгляд на Сайленсе. Его ладонь всё ещё была занесена, а на лице читалось дикое, животное напряжение.

— Пришла в себя? — выдохнул он, и в его голосе проскользнуло облегчение, смешанное с холодным страхом. — Шевелись! Если хочешь выжить!

Реальность обрушилась на меня вместе с гулом голосов. Холл превратился в филиал ада: люди метались из стороны в сторону, врезаясь друг в друга, кто-то сбивал с ног персонал, кто-то просто забился в углы, закрыв голову руками. В этом хаосе не было порядка — лишь животный инстинкт самосохранения, превративший нормальных людей в загнанных зверей. Слышались плач, чьи-то истерические молитвы и звон разбивающихся стёкол.

— Где моя мама? — Я осмотрелась, пока Сайленс помогал мне держаться на ногах, и стала искать знакомые лица, но нигде не могла найти маму.

— Лив, быстро! Найдём сейчас её! — рявкнул Сайленс, не отпуская моей руки.

В этот момент свет в холле моргнул, пронзительно загудел, и люминесцентные лампы под потолком начали одна за другой гаснуть, погружая пространство в тревожные сумерки.

Больница, обычно залитая холодным светом, теперь тонула в тенях. Вспышки аварийных огней окрасили коридор в тревожный красный цвет.

— Мама! — крикнула я.

Я увидела их. Энди, бледный, с ингалятором в одной руке, пытался отдышаться, а мама, стоявшая с ним рядом, осматривала его и сама растерянно оглядывалась по сторонам, словно действуя на автопилоте.

— Энди, где Лукас? — спросил Сайленс. Тот поднял на него испуганные глаза и указал рукой в сторону: Лукас помогал женщине с ребёнком подняться с пола и отойти на безопасное расстояние от обезумевшей толпы.

— Мам, ты как? Ты хорошо? — я вцепилась в её руки, когда она заметила меня.

— Всё хорошо, Лив. Я в порядке, — заверила она, погладила меня по руке. — Это вашего товарища чуть не затоптали, — она указала на всё ещё бледного Энди.

— У тебя снова астма? — обеспокоенно спросил Сайленс.

— Сам в шоке, лет пять не было приступов! — ответил Энди, а потом оттолкнулся от стены, когда к нам подошёл Лукас.

— Мне нужно к Алекс, — сказала я, и мама кивнула, беря меня за руку.

Мы вынырнули из-за угла, попадая прямо в толпу спешащих туда-сюда людей, которые не давали протиснуться вперёд.

— Сюда! Бежим к техническому коридору! — Энди перекрыл крики толпы.

Мы сорвались с места. Мама, схватившись за Энди, вырвалась вперёд, а я осталась позади, пытаясь растолкать людей, которые снова потащили меня в сторону. Резкий рывок. Сайленс вцепился в мою руку, таща меня за собой сквозь живую стену паникующих людей. Мы неслись мимо регистратуры, мимо охранников, которые сами были в полном замешательстве и не знали, в кого стрелять или от кого защищать вход. Под ногами что-то хрустело — осколки стекла, упавшие стулья, разбросанные медкарты.

Свет окончательно погас. Только аварийное освещение нервно мигало, создавая эффект дёргающейся киноплёнки. Мы бежали, задыхаясь от едкого запаха озона и чего-то сладковато-металлического, пока не ввалились в пустую лестничную клетку. Здесь было тише: лишь гул генераторов где-то в недрах здания давал понять, что система пытается восстановить электричество.

Мы рванули вверх по лестнице. Эхо наших быстрых шагов превратилось в неразборчивый гул, а когда нас выбросило через двойные двери на втором этаже, мы все замерли. Длинный, залитый аварийным светом коридор превратился в сплошное препятствие: люди стояли неподвижно. Врачи, медсёстры, ещё десятки обычных людей застыли с безэмоциональными выражениями лиц. Они смотрели прямо перед собой, не предпринимая попыток двинуться.

— Это что ещё такое? — спросил Лукас.

— Господи, что творится? — прошептала мама.

— Без паники, идём дальше! — произнёс Сайленс. Он схватил брата за рукав куртки и потащил за собой.

Я схватила маму, только сейчас понимая, что моя рука до сих пор зажата в тёплой ладони брата Лукаса. Мы медленно двинулись по коридору, буквально просачиваясь между неподвижными фигурами. Это было похоже на прогулку среди восковых фигур в музее ужасов. Воздух здесь казался густым, пропитанным застоявшимся запахом медикаментов.

— Смотрите, — прошептал Лукас, кивнув в сторону стоящего у стены хирурга. Тот замер с окровавленным скальпелем в руке, уставившись пустыми глазами в кафельную кладку. Он не моргал, не дышал, не реагировал, когда мы проходили мимо, едва не задевая его плечом. — Он вообще живой? Он как будто… отключился.

— Не смотрите на них, — резко бросил Сайленс, не сбавляя шага. Его пальцы на моей руке сжались до боли. — Просто идём.

Я вздрогнула, когда увидела стоявшую неподалёку медсестру — её взгляд был устремлён, казалось, на нас, а рот приоткрыт, будто она собиралась что-то сказать, но забыла слова ещё до того, как успела их произнести. Я чувствовала, как по спине бегут мурашки.

— Эй, вы в порядке? — не выдержал Энди, когда мы поравнялись с пожилой женщиной, застывшей посреди коридора. Она никак не ответила, даже не дёрнулась.

— Энди, прекрати! — шикнула я, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха. — Они нас не слышат. Пошли быстрее.

Мы продвигались вперёд, стараясь не задевать эти «статуи». Казалось, стоит нам сделать лишний вдох — и они все разом повернут головы в нашу сторону. Моё сердце колотилось где-то в горле, а перед глазами плыли красные всполохи аварийных ламп.

Наконец впереди показался поворот, ведущий к блоку интенсивной терапии.

Мы прибавили шаг, переходя на бег, и, завернув за угол, резко остановились. Точнее, остановилась я: остальные продолжили движение вперёд, пока я пыталась понять, что случилось. Я всё ещё чувствовала тепло руки Сайленса, но не понимала, почему мы стоим.

— Чего встали там??? — прикрикнул Лукас.

Я вцепилась в ладонь Сайленса, ожидая, что он первым рванёт вперёд, но его рука вдруг обмякла, лишившись всякого напряжения. Пальцы, только что крепко сжимавшие мою ладонь, безвольно разжались, и я почувствовала, как тепло его кожи мгновенно сменяется ледяной пустотой.

Я замерла, не понимая, в чём дело, и резко обернулась.

Сайленс стоял в метре от меня, застыв в той же позе, в которой только что вёл нас сквозь коридор. Его лицо, ещё секунду назад живое и полное беспокойства, превратилось в восковую маску. Все эмоции — гнев, решимость, страх — словно стёрли с него невидимой рукой. Кожа приобрела мертвенный оттенок, а мышцы лица расслабились до такой степени, что он казался чужим, незнакомым человеком.

Но самое страшное было в глазах. Его разноцветные глаза, обычно пронзительные и яркие, теперь смотрели в пустоту. В них не осталось ни тени мысли, ни узнавания, ни искры жизни — просто два безжизненных стеклышка, отражающих тревожный красный свет аварийных ламп. Он дышал: его грудь медленно приподнималась и опадала, но на мой испуганный взгляд он не реагировал.

Сайленс стал точно таким же, как те «статуи», мимо которых мы только что прошли.

— Сайленс? — мой голос сорвался на хриплый шёпот, но он даже не шелохнулся.

Лукас, не видя, что происходит, продолжал нетерпеливо прикрикивать, но его слова теперь доносились до меня словно из другого мира. Я стояла, парализованная ужасом, глядя на того, кто ещё мгновение назад защищал нас…

Лукас раздражённо зашагал к нам, чтобы поторопить, но замер на полуслове. Его лицо, ещё секунду назад выражавшее нетерпение, мгновенно исказилось от дикого, неосознанного страха. Он сделал шаг, затем ещё один, прежде чем броситься к брату.

— Сайленс? Эй, ты чего?! — Лукас вцепился в плечи Сайленса и с силой тряхнул его.

Я видела, как голова брата качнулась из стороны в сторону, словно у тряпичной куклы, но взгляд остался зафиксирован в одной точке. Никакой реакции. Ни ответного движения, ни попытки сфокусироваться. Мои пальцы, ещё хранившие фантомное ощущение его тёплой ладони, мелко дрожали, и я, сама того не осознавая, начала пятиться.

Шаг, ещё шаг… Моя спина врезалась во что-то мягкое и тёплое. Мама. Она тут же обхватила меня за плечи, её пальцы вцепились в мою кофту, и я почувствовала, как она сама едва держится на ногах.

— Сайленс, мать твою, ответь мне! — голос Лукаса сорвался на крик, переходящий в истерический всхлип. Он продолжал трясти брата, сильнее, грубее, но Сайленс лишь безвольно

подавался вперёд и назад, подчиняясь инерции, словно в нём не осталось ни единой живой кости. Энди, застывший в паре шагов от них, наконец пришёл в себя и бросился к Лукасу.

— Я не знаю, что за чертовщина происходит, но перестань его трясти, возьми его под руку, веди за мной! — отчеканил Энди.

Лукас, не понимая, что делать, повернулся к своему другу, а потом, словно до него дошёл смысл слов, подхватил Сайленса под руку и потащил за собой.

— Давайте уходим отсюда! Лив, бегом к палате Алексы, потом разберёмся, что с ним! — Я застыла, не в силах даже шевельнуться и отвести взгляд от Сайленса, но вздрогнула, когда Энди прикрикнул: — Лив!

Мы рванули дальше, превратив этот путь в отчаянный забег сквозь лабиринт коридоров и поворотов. Лукас, тяжело дыша, практически тащил на себе Сайленса, чьи ноги безвольно волочились по кафелю, издавая противный шаркающий звук. Мы неслись мимо палат интенсивной терапии, где за стеклянными перегородками стояли такие же неподвижные фигуры — врачи, застывшие с инструментами в руках.

Коридор, ведущий к палате Алексы, встретил нас звенящей тишиной. Возле дверей соседней палаты стояла дежурная медсестра, чья рука застыла на дверной ручке. Мы пронеслись мимо, не глядя на неё, и с грохотом ввалились в палату. Алекса лежала на прежнем месте, мониторы рядом тихо пищали, рисуя ровные линии сердечного ритма — единственное доказательство жизни.

— Живая… слава богу, живая, — выдохнула я, вытирая пот со лба. Я упёрлась руками в колени, пытаясь нормализовать дыхание.

Энди, не теряя ни секунды, подскочил к системе жизнеобеспечения бокса.

— Её нельзя трогать! — отрезал он, заметив, как я дёрнулась к панели управления капсулой. — Этот бокс — изолированная система. Если мы вскроем герметизацию или отключим датчики, она не выдержит перемещения. Мы должны выкатить весь блок целиком!

— Он тяжёлый! — прошипел Лукас, оглядывая массивную металлическую конструкцию на колёсной платформе.

— Значит, будем толкать вдвоём!

— Я помогу вам! — вызвалась мама. Она коснулась моей руки, и я кивнула.

Лукас медленно потянул платформу на себя, и бокс с натужным, лязгающим скрипом сдвинулся с места. Внутри, сквозь прозрачные стенки капсулы, я видела Алексу — она была бледной, её дыхание поддерживал тихий, ритмичный шум встроенного вентилятора.

— Осторожно выкатываем! — скомандовал Энди. — Лив, дверь!

Я подлетела к выходу и распахнула дверь настежь, проверяя, хватит ли места для бокса. Как раз в этот момент часть бокса выехала в коридор.

— Подожди, не тяни быстро! — Лукас ногой подцепил тележку с большими баллонами к себе. Баллоны были подключены к боксу толстыми шлангами. Энди затормозил, дождался его, и все втроём выкатили Алексу прочь из палаты.

Я, подхватив за руку Сайленса, вывела его следом, направляясь за спешащими впереди меня мамой и ребятами. Энди вдруг остановился, вытирая со лба холодный пот. Его дыхание было свистящим, тяжёлым, и он снова инстинктивно потянулся к ингалятору.

— Нам нельзя оставаться на этажах, — прохрипел он, обводя взглядом пустой, залитый красным светом коридор.

Лукас оглянулся, бросив быстрый взгляд на неподвижного брата, а затем на массивную капсулу с Алексой. Его челюсти сжались.

— Есть вариант, — сказал Лукас. — Минус первый этаж. Там архивные хранилища и старый блок защиты, который строили ещё при основании больницы. Стены там толще, двери бронированные, и есть собственный независимый генератор, который не зависит от основной сети.

Я посмотрела на него, пытаясь осознать его слова.

— Откуда ты вообще это знаешь? — спросил Энди.

— Я здесь подрабатывал на складе прошлым летом. Это место проектировали как бункер на случай ЧС. Если где-то и можно забаррикадироваться и переждать эту хрень, то только там.

— Тогда решено, — Энди выпрямился, хотя руки его мелко дрожали. — Лукас прав. Идём к грузовому лифту. Лив, ты следишь за Сайленсом. Не выпускай его из виду! — Он на секунду замолчал, глядя на пустые глаза друга. — …Хотя он вряд ли куда-то денется.

— Идём, — скомандовала я, хватая Сайленса за руку. Мама, Энди и Лукас снова взялись за поручни платформы.

Минут через пять мы оказались около дверей лифта, и тут вспомнили, что больница обесточена и спустить Алексу вниз мы никак не сможем.

— Твою мать! — взорвался Энди, ударив по кнопке вызова лифта. К нашему удивлению, двери открылись. Энди застыл и уставился на открытую кабину, залитую аварийным светом.

— Давай-давай, не стоим на месте! — скомандовал Лукас. Мама пришла в себя первой и, повернувшись спиной к лифту, взялась за поручни бокса и потянула на себя. Парни подоспели одновременно и закатили Алексу внутрь.

— Он работает в автономном режиме, — сказал Энди, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Слава богу! — прошептала мама.

Я вошла вместе с Сайленсом, и лифт издал пронзительный писк, сигнализируя, что его перегрузили.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — На лицах мамы и Энди читалась такая паника, что я сделала шаг обратно в коридор, потянув за собой Сайленса. Лифт начал закрываться.

— Я сейчас поднимусь за вами! — услышала я голос Лукаса и увидела, как мама испуганно распахнула глаза.

Я прикрыла глаза на несколько секунд, отняла руку от тёплой кисти Сайленса, вздохнула и подняла голову к потолку, всматриваясь в него. Потом скользнула влево, где безвольно стоял человек, которого я толком не знала. Он глядел в стену, но взгляд по-прежнему оставался неосмысленным, стеклянным.

— Сайленс? — позвала я в надежде, что его разноцветные глаза прямо сейчас посмотрят на меня, но в ответ услышала только нарастающий гул, исходящий откуда-то издалека.

Пол и стены завибрировали так, что звук прошёлся по моему телу, заставив меня схватиться за выступ у входа в лифт.

Вибрация переросла в настоящий гул, от которого заложило уши. Стены больницы, ещё мгновение назад казавшиеся надёжной крепостью, отозвались утробным скрежетом. Над головой что-то разорвалось, и я в панике глянула вверх: по штукатурке прямо над моей головой побежали глубокие, извилистые трещины, с потолка посыпалась пыль.

— Сайленс! — я бросилась к нему, не отдавая себе отчёта в том, что делаю.

Мои пальцы с силой вцепились в его грудь, сминая ткань футболки. Я потянула его на себя, увлекая из опасной зоны, и мы вжались в самый угол прохода, прямо на границе между коридором и шахтой лифта. Он не сопротивлялся, и я прижалась к нему всем телом, пряча лицо у него на груди.

В этот момент здание содрогнулось от удара такой силы, что я вылетела бы в коридор, если бы не держалась за Сайленса. Гул снаружи превратился в оглушительный, рвущий уши вой металла, разрывающего саму землю. В этот же момент двери лифта открылись, и мы провалились в него. Лукас стоял с побледневшим от страха лицом, а я видела лишь одно: как в дальнем конце коридора, где располагались окна, внезапно полыхнуло адское, нечеловечески яркое пламя. А секунду спустя реальность просто перестала существовать.

Огромное, истерзанное крыло самолёта, похожее на лезвие гигантской гильотины, прошило здание насквозь. Оно с неистовым грохотом смело стены, превращая кафель и бетон в пыль и крошево. Воздушная волна ударила в нас, отшвыривая к стене лифта. Скрежет металла о бетон был настолько пронзительным, что я кричала, но не слышала собственного голоса. Двери лифта зажало, а тонны обломков, перекрученные балки и искорёженный алюминий пронеслись в нескольких метрах от нас, заполнив пространство удушливым запахом керосина и гари.

А затем все стихло.

Пыль, густая и удушливая, медленно оседала на наши волосы и одежду. Я дрожала, вцепившись в поручень до боли в пальцах, и смотрела вперёд. Там, где ещё минуту назад был коридор, теперь зияла рваная дыра в «никуда». А сквозь эту пробоину, прямо изнутри горящих обломков, в помещение начало вливаться густое облако дыма.

Кажется, от ужаса, поселившегося во мне, по щекам потекли слёзы. Я не смогла вдохнуть, понимая, что, если бы мы опоздали буквально на пару минут, Алексу уже ничто не спасло бы.

Глава 4

Воздух был настолько пропитан гарью, запахом авиационного керосина и едкой, удушливой известковой взвесью, что каждый вдох отзывался в груди обжигающей болью. Я закашлялась, чувствуя на зубах скрип размолотого кафеля и бетонной крошки.

Я медленно опустила взгляд.

Лифт превратился в ловушку. Двери были перекошены, и их намертво заклинило грудой обломков, завалivших коридор снаружи. Панель управления искрила, заливая тесный отсек голубым светом, который то вспыхивал, то гас, выхватывая из темноты кошмарные подробности.

Лукас лежал у стены, скрючившись в неестественной позе. Его голова безвольно свесилась на грудь, а рука была странно вывернута. Он не двигался.

— Лукас?.. — мой голос прозвучал жалко и хрипло. Боль в ещё не до конца заживших рёбрах заставила меня перевалиться на левую сторону и попытаться вдохнуть.

Рядом, прислонившись спиной к противоположной стенке, сидел Сайленс. Даже в этот момент он сохранял свою пугающую неподвижность. На его лбу, чуть выше брови, красовался глубокий рваный порез. Тёмная, густая кровь медленно стекала по его виску, пачкая футболку, но он этого не замечал. Его взгляд всё так же был устремлён в пустоту — даже ужас, который едва не похоронил нас заживо, не смог вернуть ему искру сознания.

Я чувствовала, как внутри всё сжимается от беспомощности. А в голове проскользнула мысль: мама и Энди вместе с Алексой остались там, внизу. Были ли они живы? Хватило ли им времени, чтобы спуститься и добраться до безопасного места?

«Лив, думай. Просто думай», — приказала я себе, хотя слёзы, смешиваясь с грязью на щеках, застилали глаза.

Сквозь застрявшие двери лифта я видела, как в образовавшуюся в коридоре брешь просачивается густое, неестественно чёрное облако. Отсюда не было слышно ничего, кроме бешеного стука моего сердца.

Я потянулась рукой к Лукасу. Мне удалось дотянуться до его головы и прижать два пальца к пульсу… И о чудо! Он был жив!

— Лукас! — позвала я, но голос дрожал. Я толкнула его в плечо, сильнее, чем хотела, и замерла, вслушиваясь в тишину. Он не двигался. Я толкнула снова, уже почти в панике, ощущая, как страх заливает всё внутри. Если он не очнётся, я не смогу выбраться отсюда. Я не смогу вытащить нас всех.

— Лукас!

— М-м? — раздалось слабое, хриплое мычание.

Я выдохнула с такой силой, что закружилась голова. Смех вырвался сам собой, но он был каким-то неправильным — рваным, истеричным, срывающимся на всхлипы. Боль в боку напомнила о себе. Я прижала ладонь к рёбрам и поняла, что плачу. Я не знала, чему радовалась больше: тому, что он жив, или тому, что с ним у нас был шанс выбраться отсюда.

— Ты меня слышишь?

Парень зажмурился, а потом прижал ладонь к голове, пытаясь сесть ровно.

— Слышу.

— Ты как?

— Вроде живой.

Он открыл глаза, и его взгляд сразу упал на брата, который сидел на полу как неподвижная кукла, уставившись в угол лифта. Потом Лукас повернулся ко мне, заметив, как я сжимаю рукой бок.

— Цела?

— Бок болит, а так вроде цела.

— Попробуем сейчас выбраться.

Лукас сцепил зубы, пытаясь встать. Его пальцы схватились за поручень, оставляя кровавые следы на металле, а ноги предательски не слушались. Ему явно мешало головокружение, потому что он часто мотал головой и жмурился, будто пытался сфокусироваться. Лишь со второй попытки он встал и сделал тяжёлый, неуверенный шаг к брату, и в этот самый миг лифт под нами содрогнулся.

— Лукас! — с диким криком я вцепилась в поручень, чувствуя, как стены кабины вибрируют, а Лукас, чудом сохранив равновесие, вцепился в боковую панель, не давая себе рухнуть на пол.

Мир сузился до одной точки — до того, как дрожит пол под ногами. Я слышала, как скрипит металл, как где-то над нами что-то с грохотом осыпается, и мне казалось, что сейчас этот лифт просто сорвётся вниз. Внутри всё оборвалось.

— Всё хорошо, хорошо! Лив, смотри на меня и просто глубоко дыши, слышишь?

— Д-да.

— Умница!

Я прикрыла глаза и начала следовать инструкциям Лукаса, прислушиваться к его медленному дыханию и повторять за ним. В кабине начался настоящий вой, металл снова заскрежетал так, будто его рвали на куски. Я по инерции открыла глаза, и мы оба, сами не понимая почему, вскинули головы вверх, туда, где от удара крыла самолёта была вырвана потолочная панель.

— Господи! — я почувствовала, как кровь отливает от лица, потому что прямо перед нами открылся вид на шахту, в которой от всех несущих тросов уцелели лишь две стальные нити, натянутые до предела. Эти тросы, удерживающие нашу кабину, вибрировали, издавая высокий, пугающий скрежет, когда мы двигались. Лифт медленно, миллиметр за миллиметром, проседал вниз, я чувствовала это.

— Лив, посмотри на меня, давай же!

— Он сейчас оторвётся, да?

— Всё будет хорошо, если ты прямо сейчас возьмёшь себя в руки и послушаешь меня. Давай же, Лив!

Я заставила себя оторвать взгляд от потолка и перевести испуганные глаза на Лукаса. Он мне улыбнулся.

— Умница! Теперь слушай меня внимательно: ты сейчас медленно переворачивайся и ползи ко мне.

— Я… я не смогу!

— Сможешь! Давай! Потихоньку, да вот так!

Я всхлипнула при звуках скрежета сверху, когда стала переворачиваться, чтобы встать на четвереньки. Мои попытки глотнуть воздуха казались громкими, не говоря уже о том, чтобы переставлять руки и ноги.

— Умница, теперь потихоньку вставай, — подсказывал Лукас, когда я приблизилась к нему и попыталась встать.

Лифт дёрнулся, и я снова заорала и присела, но твёрдая рука, схватив меня за шиворот, притянула меня к дверям.

— Всё хорошо. Слышишь? Теперь просто ползи наверх, ты сможешь выбраться и помочь мне.

Я закивала, вытирая слёзы, и вцепилась пальцами в бетонные перекрытия. Лукас подтолкнул меня снизу, и я почувствовала, как его руки поддерживают меня, помогая найти упор. Я рванула вверх, но боль в рёбрах прострелила так сильно, что я закричала и чуть не сорвалась вниз. На секунду мне показалось, что я сейчас просто отпущу руки, потому что сил не осталось.

Но я сжала зубы и попыталась снова, цепляясь за арматуру, царапая пальцы об острые края, сдирая кожу. Я не помнила, как кричала — просто чувствовала, как ногти скребут по бетону, как рвутся лёгкие от каждого вдоха. Ещё рывок — и я провалилась в пространство, а потом тяжело рухнула на пол, сжимая руками рёбра и пытаясь просто дышать. Я выбралась. Я смогла.

Облегчённый выдох сорвался с губ Лукаса, когда он увидел, что я наверху. А я как завороженная смотрела на то, что осталось от больницы: вокруг не было части стены и потолка, я видела улицу, дома и множество очагов пламени. Горело всё.

Всхлипнув, я привстала на колени и собиралась уже ползти в сторону лифта, но остановилась, когда поняла, что подо мной опять началась вибрация.

Сначала я просто услышала нарастающий гул — он заполнил собой всё пространство, пробираясь под кожу, и я ещё не понимала, что это. Я подняла голову, и мир замер. Я увидела огромную падающую тень, которая неслась прямо на меня, а только потом поняла, что это самолёт. Он шёл на снижение, его крылья кренились, отчего он казался таким близким, что я могла бы разглядеть люки на фюзеляже. А потом всё стало будто в замедленной съёмке: ревущий огонь, треск стёкол — мне даже показалось, что ветер стих, когда самолёт пронёсся надо мной всего в пятидесяти метрах, не больше. Я почувствовала, как взорвался воздух и ударная волна хлестнула меня по лицу, возвращая все звуки. В панике я только успела схватиться за что-то, чтобы меня не снесло. Мир вокруг закричал — скрежет металла, грохот, с которым самолёт брюхом задел асфальт, искры, разлетающиеся во все стороны, витрины и машины, ломающиеся, как спички. Я смотрела, как он, теряя скорость, пропахивает землю, сметая всё на своём пути, и в голове не было ни одной мысли — только животный, первобытный ужас.

— Лив! Лив, посмотри на меня!

Голос Лукаса звал меня, но он звучал словно из толщи воды. Звуки мира притупились. Я снова посмотрела на проём, пытаясь выйти из оцепенения и сосредоточиться.

— Лив, дыши! Насколько можешь, очисти проход! — Лукас кричал, а я лишь кивнула и встала на колени, торопливо отбрасывая камни, постоянно возвращаясь взглядом к тому, что творилось вокруг. Непроглядной пелены тумана уже не было: он, как в страшном сне, оставил после себя кучу трупов, о которых я даже не хотела думать, и разрушения.

— Я больше не могу поднять это!

В моём голосе слышалась паника, потому что я понимала, что не смогу вытащить ни Сайленса, ни Лукаса.

— Всё хорошо. Сейчас послушай меня!

— Слушаю!

— Я подтяну Сайленса, а ты схватишь его за руки! Потом мы вместе будем потихоньку вытягивать его! Поняла?

— Да! Да, я поняла!

Лукас исчез из поля моего зрения, а когда появился, уже пытался поднять руки брата. Мне пришлось лечь на обломки и протянуть свои руки, чтобы схватить Сайленса за кисти. Я слышала, что трос скрипит, издаёт звуки, но даже боялась подумать о том, что он может разрубить меня на две половины.

— Я держу! Лукас, я держу его!

— Молодец. Я сейчас его немного приподниму, а ты тяни его на себя, я буду помогать тебе!

Я попробовала потянуть — и рёбра тут же прострелили болью, такой резкой, что перед глазами потемнело. Я зашипела сквозь зубы, но не отпустила. Перевалилась на бок, подтянула ноги и упёрлась ступнями в стену по обе стороны от проёма, стараясь найти опору. Когда Лукас приподнял брата, я почувствовала, как вес Сайленса немного уменьшился, и я дёрнула его на себя. Сначала показалось, что ничего не происходит, потом его тело сдвинулось на пару сантиметров.

— Лив, ещё чуть-чуть, ты огромная молодец! Давай!

Последний рывок — и мы с Сайленсом рухнули на пол.

— Лив, руку! Лив!

Я подорвалась и даже забыла, что у меня что-то болит. Подползла к дверям лифта, и мои пальцы схватили вспотевшую ладонь Лукаса. Снова потянула его, помогая ему выбраться изо всех сил, и в последний момент Лукас оказался на свободе. Мы оба рухнули на бетон — я на спину, он на живот рядом. Я смотрела в небо, которое затягивало чёрным дымом, и не могла пошевелиться. А потом снизу, из шахты, донёсся такой грохот, что я инстинктивно закрыла голову руками. Металл ударился о бетон — долгий, скрежещущий звук, который эхом разлетелся по всему зданию. Лифт упал. Мы успели выбраться буквально за секунду до того, как он сорвался вниз. Я перевела взгляд на Лукаса: он был весь мокрый от пота, волосы прилипли ко лбу, а в его глазах застыл такой страх, что я на миг забыла, как дышать.

— Надо валить отсюда, — тихо сказал Лукас, спустя несколько минут передышки, а затем приподнялся и посмотрел по сторонам, а я повернула голову и увидела, что Сайленс по-прежнему лежит на спине и смотрит в пустоту.

Мы поднялись почти одновременно. Я услышала, как Лукас судорожно вдохнул, и мне пришлось повернуться туда, куда он смотрел. Там, где ещё недавно были палаты, теперь зияла пустота, открывающая вид на город. Дорога была усеяна обломками, машинами, телами. Везде горело: языки пламени вырывались из окон, из-под обломков, лизали асфальт и металл. А среди этого ада стояли люди. Они не двигались. Их было много — кто-то застыл посреди улицы, кто-то сидел, привалившись к стенам, а кто-то лежал на земле, не подавая признаков жизни. Я пыталась не смотреть на них, но мой взгляд сам нашёл женщину. Она стояла на коленях перед маленьким мальчиком — ему было не больше пяти. Он застыл, глядя в пустоту, а она трясла его за плечи, что-то шептала, молила. Я не слышала её голоса, но видела, как шевелятся её губы.

— Что за массовая отключка от реальности? — спросил Лукас.

— Понятия не имею. Мы тогда почему нормальные?

Мы с Лукасом переглянулись и, не сговариваясь, пошли к его брату.

— Кажется, это нам предстоит узнать.

— Связи нет, — констатировала я, когда достала из переднего кармана свой чудом уцелевший телефон.

— Понятное дело… — кряхтя, Лукас взвалил безвольное тело брата на спину и, взяв его за руки, немного подпрыгнул, чтобы удобно разместить вес. — Иди вперёд, будешь нам искать путь.

Я убрала телефон в карман и двинулась вперёд, стараясь наступать только на те места, которые казались более-менее надёжными. Вокруг валялись куски бетона, торчала арматура, и под ногами хрустело стекло. Я смотрела под ноги, стараясь не поднимать голову. А потом я заметила красное. Яркое, алое, которое не вязалось с серым и чёрным вокруг. Я подняла взгляд — и мир остановился. Тело. То, что от него осталось. Человек был разорван почти пополам, одна нога неестественно вывернута, а лицо… я не успела разглядеть лицо, потому что меня вывернуло наизнанку. Я согнулась, хватая ртом воздух, чувствуя, как желудок сжимается от спазмов.

Пахло гарью и чем-то сладким, приторным — я не хотела знать, что это. Я вытерла рот тыльной стороной ладони, не глядя по сторонам, заставляя себя идти. Лукас уже оказался чуть поодаль от меня, когда я, прижимая руку к боку, начала его нагонять. Он остановился, немного поправил положение брата на спине, а потом из его уст вырвались ругательства. Я проследила за его взглядом и беззвучно ахнула, когда поняла причину его злости. Его «Мустанг» и байк Сайленса превратились в груду металлолома; даже мне было больно смотреть, как обрушенная стена расплющила крышу машины.

— Это…

Я не успела произнести то, что хотела, как резко развернулась, услышав своё имя.

— Лииив!!! Ливи!!!

У меня перехватило дыхание, когда я узнала знакомую фигуру, несущуюся сквозь разбросанные тут и там машины, а потом увидела окровавленную одежду и заплаканное знакомое лицо.

— Ронни, — прошептала я.

Мои ноги сами по себе начали двигаться, а потом я сорвалась на бег. Мы на полном ходу врезались друг в друга, и подруга начала плакать. Ронни рыдала навзрыд, цепляясь пальцами за мою кофту и что-то бормоча. Слова я не могла разобрать.

— Ты ранена? — спросила я и отстранилась, осматривая её лицо. Я убрала волосы с её щёк, а она покачала головой.

— Н-нет, всё со мной нормально. Лив, Брэд и Люк… о-они погибли!

— Ч-что?

В груди что-то сломалось. Несколько секунд я не могла вымолвить ни слова, ошарашенно глядя на подругу. Слёзы застилали глаза, и я пыталась сделать вдох. Мой взгляд заметался по улице за спиной Ронни, словно Брэд и Люк прямо сейчас могли появиться, но я видела только паникующих людей и тех, кто не двигался.

— Я была у родителей, а потом, когда вернулась, нашла их, — рассказала она, падая в мои объятия.

— Тише-тише, всё будет хорошо, — успокаивала я, хотя на самом деле сама ни капли в это не верила. Я прижала её к себе, а затем потянула за собой. Ронни схватила меня за руку, а другой вытерла слёзы, пока мы шли к Лукасу.

К тому времени он уже перешёл улицу и остановился возле здания, прислонив брата к стене. Сам он осматривался по сторонам, скорее всего прикидывая, что делать дальше.

Когда мы подошли ближе, я первой перебежала проезжую часть. В этот момент я услышала приближающийся автомобиль и вскрик Ронни, а затем мимо на полном ходу пронеслась патрульная машина. Подруга едва успела добраться до меня, как автомобиль на полном ходу врезался в гору металлолома прямо на перекрёстке. Я перевела взгляд на Ронни: та с позеленевшим лицом смотрела на то, что могло стать причиной её смерти, и, кажется, даже не дышала.

— Что происходит с этим миром? — спросила Ронни и повернулась ко мне. Прядь рыжих кудряшек упала ей на лоб.

— Если бы я только знала, — ответила я, подала ей руку, и мы снова пошли к Лукасу, который следил за нами.

— Надо забраться снова в больницу и найти наших, а потом осмотреть местность, где можно отсидеться, — сказала я Лукасу, и тот кивнул, рассматривая сначала меня, потом Ронни.

— Это моя подруга детства Ронни. Ронни, это друг Энди, Лукас, — представила я их друг другу и заметила, как в глазах Ронни мелькнул невысказанный вопрос. — Энди — парень Алексы.

— У неё есть парень??

— Я сама недавно узнала, — пожала я плечами и посмотрела на Сайленса, который привлёк внимание не только моё, но и Ронни. Однако она промолчала, только смотрела, как Лукас снова взваливает брата на спину, а затем кивает мне.

Мы, не сговариваясь, прошли по тротуару не больше десяти шагов в сторону главного входа, точнее, того, что от него осталось. Здание больницы выглядело ужасно: огромные провалы в стенах, торчащие во все стороны куски разрушенных стен, обгоревшие провода, которые всё ещё продолжали искрить, рассыпая в дымном воздухе снопы голубоватых искр.

— Эй, подождите, — Ронни вцепилась мне в локоть. Её пальцы были ледяными, несмотря на жар от пожаров. — Вы серьёзно хотите туда вернуться? Там же… там же не могло ничего уцелеть.

Я посмотрела на Лукаса. Он тяжело дышал, а Сайленс на его спине был как каменное изваяние. Его голова моталась в такт шагам, но он даже не пытался сопротивляться. Лукас остановился, глядя на разрушенный холл, и прищурился, пытаясь сопоставить то, что видел сейчас, с планом, который держал в голове.

— Я тут каждый угол облазил, пока работал, — прохрипел он, вытирая пот со лба рукой. — Лестница в подвал была заблокирована ещё до начала этой херни, но есть служебный проход через правое крыло. Там был дебаркадер для разгрузки медтехники. Если плиты перекрытия не рухнули прямо на него, мы пройдём под землёй до техблока, а оттуда — к минус первому этажу.

— Тогда нужно поторопиться, — сказала я и первой двинулась дальше, а за мной, цепляясь за руку, поспешила Ронни.

Мы пошли вдоль фасада, и картина вокруг не менялась: на тротуарах стояли люди. Женщина в разорванном белом халате смотрела сквозь нас, её губы были приоткрыты, будто она хотела что-то сказать. В паре шагов от нас лежал охранник больницы. Его форма была пропитана кровью, но он не стонал, а просто лежал, уставившись в небо. В его глазах не было ничего, кроме пустоты.

— Не смотри, — Лукас заметил, как я начала замедлять шаг, глядя на тело. — Просто не смотри.

Мы завернули за угол, где раньше был служебный въезд. Здесь было меньше огня, зато стоял такой густой запах гари и горелой плоти, что к горлу сразу подступила тошнота. Дебаркадер был завален бетонными плитами, но узкий проход между стеной и огромным куском перекрытия оставался свободным.

— Вот здесь, — Лукас указал на тёмный лаз. — Пролезаем по одному. Ронни, иди за мной. Лив, ты замыкающая.

Он с лёгкостью исчез внутри, следом скрылась Ронни. Я слышала, как они переговариваются. Я пролезла в проём, чувствуя, как острые края камней впиваются в кожу. Внутри была кромешная тьма, только тусклый свет с улицы пробивался сквозь щели, выхватывая куски обшарпанных стен. Воздух здесь был тяжёлым, спёртым. Казалось, дым с улицы заполнил всё пространство и медленно кружился в лучах света. Мы спускались по техническому коридору, обходя брошенные прямо посередине прохода тележки и коробки.

В какой-то момент я остановилась на перекрёстке четырёх коридоров, потому что услышала странный звук. Это был не шум пожара снаружи, а что-то влажное, чавкающее, доносившееся из глубины коридора. Я замерла, вглядываясь в темноту, где неровно пульсировал свет аварийных ламп. На стене я увидела огромные чёрные пятна, которые казались живыми.

— Лукас, ты это слышишь? — Мой шёпот прозвучал тихо и сдавленно.

Лукас притормозил, его мышцы напряглись. Он медленно опустил Сайленса на пол и прислонил его спиной к стене.

— Тише, — бросил он, не оборачиваясь.

Он прислушался, но звуки, которые меня пугали, больше не были слышны.

— Давайте двигаться дальше, скоро будет лестница, ведущая вниз.

Мы двинулись дальше, но где-то в глубине души я ощущала, что то, что там было, идёт за нами. Казалось, в тишине пустых коридоров я слышала клацанье когтей. А когда мы дошли до нужной нам лестницы, я чуть было не вскрикнула: перед нами стояли люди, не двигаясь с места. Они наводили страх, пожалуй, похлеще ужастиков, которые я когда-то любила смотреть с сестрой.

— Мы уже практически добрались, — успокоил Лукас и первым спустился на нижний уровень больницы.

Мы оказались в довольно-таки большом помещении. Везде горел свет и гудел генератор. С левой стороны было множество дверей, и одна из них прямо сейчас открылась. В проёме показалась голова Энди. Он выдохнул так громко и облегчённо, что я почувствовала, как в груди отпускает. Он сразу бросился помогать Лукасу. Они вдвоём перехватили Сайленса и понесли его к двери, а потом я увидела маму.

— Доченька.

— Мама!

Я уже сделала шаг вперёд, когда тишину разорвал низкий, хриплый рык. Он донёсся откуда-то справа, из темноты, где я даже не заметила коридора. Раньше, чем я успела понять, что происходит, оттуда вылетело что-то серое и быстрое. Я взвизгнула, отшатнулась, едва успев увидеть оскаленную пасть и дикий блеск глаз. Это была собака!

— Лив! — услышала я голос Ронни и шум поднявшейся суматохи. Она была впереди меня, шагах в десяти.

Собака, казалось, не замечала никого, кроме меня. Она рванула прямо в мою сторону. Я вскрикнула и замерла, вжавшись в стену, ожидая, что её клыки сейчас вцепятся мне в горло, но она пронеслась мимо, а потом резко развернулась и застыла в метре от меня, выгнув спину дугой. Она продолжала неистово лаять и бросаться в мою сторону, каждый раз останавливаясь на том же расстоянии. Её движения были дёрганными, неестественно быстрыми.

— Лив! — крик мамы эхом разнёсся по коридору, но я не могла ответить.

— Не двигайся, Лив! — прокричал Лукас. Он и Энди оставили Сайленса около двери. — Никаких резких движений! Дёрнешься — разорвёт!

Я стояла, не смея даже вдохнуть. Пена с её морды капала на пол, каждый её выпад сопровождался таким звуком, будто она захлёбывалась собственным лаем.

— Лив! — Я кое-как оторвала взгляд от собаки и посмотрела на Лукаса. Он что-то держал в руках, но с такого расстояния я не могла разобрать, что именно. — Мы с Энди приблизимся к тебе, и по команде ты побежишь, поняла?

— О-она п-побежит за мной!

— Не побежит, доверься мне.

Я согласно кивнула и потеряла из поля зрения Энди, а вот Лукас начал свистеть и привлекать внимание бешеного животного. Не нужно было быть врачом, чтобы понять это. Обильное слюноотделение и неосмысленный взгляд говорили сами за себя.

— Иди вдоль стены до колонны, Лив.

— Я не вижу никаких колонн! — бросила я и зажмурилась, когда собака вновь бросилась ко мне, но остановилась.

— Слева.

Я заставила своё тело двигаться и одновременно с этим чувствовала, что, если моё напряжённое от страха тело сейчас грохнется на пол, выжить мне не получится.

— Х-хорош-шая с-собачка! — пропищала я, боковым зрением улавливая злополучную колонну.

— Беги!

И я побежала.

Оттолкнувшись от стены, я, кажется, почувствовала, как клацнула собачья челюсть в миллиметрах от моей ноги — по крайней мере, так мне показалось. Из горла так и рвался громкий визг, когда я пронеслась мимо Лукаса. Затем раздался звук и громкий, протяжный визг животного, которое получило травму. Я даже не попыталась остановиться или обернуться. Я на всех парах бежала к маме, с ужасом поглядывая на происходящее за спиной. Вой про-

должался ещё несколько секунд, а потом затих, как раз когда я оказалась около матери. Она обняла меня, и мы вместе ввалились в большое помещение, заставленное стеллажами.

— Моя девочка! — Мама так сильно стиснула меня в объятиях, что дышать стало больно, но это того стоило. Она непрерывно целовала меня и гладила по волосам.

— Всё хорошо, мам.

— Господи, мы, когда почувствовали удар, я чуть не лишилась рассудка, доченька! — Она оторвалась от меня и взяла моё лицо в ладони.

— Уже всё в прошлом, и со мной всё хорошо, — сказала я и попыталась ей улыбнуться, но она не поверила моим словам. В её глазах стояли слёзы.

Хлопнула дверь, и я отвлеклась на Лукаса и Энди. В их руках уже ничего не было, но выглядели они оба уставшими. Мама как раз заметила Ронни и, потянув к ней руки, обняла её. Я не слышала, о чём они начали разговаривать. Мой взгляд был прикован к боксу, где лежала Алекса. Все её датчики мирно пищали, а она сама крепко спала. Подойдя, я коснулась прозрачного пластика, всматриваясь, как мне показалось, в худое лицо: губы бледные, щёки впали.

Около меня остановился Энди.

— Нужно найти врача, мы понятия не имеем, как следить за ней.

Я кивнула.

В голове была такая каша, что зацепиться за какую-то здравую мысль, ускользающую из сознания, было трудно.

— Сейчас всем лучше всего отдохнуть, — сказал Лукас. — И вообще обсудить, что делать дальше.

— Мы нашли кое-какую еду, — сказала мама. — Идёмте все сюда.

Мысль о еде не всколыхнула во мне ничего, аппетита не было, но я заставила себя оторваться от сестры и направиться к маме. Она вместе с Ронни, уже не такой бледной, как десять минут назад, организовала импровизированный стол прямо на полу. Лукас тем временем возился с братом, который сидел на стуле около стеллажа. С его лица исчезли следы крови, а рана, рассекшая кожу над бровью и под глазом, была заклеена пластырем. Там однозначно останется шрам.

Когда я приблизилась и села рядом с подругой, она тем временем с любопытством и настороженностью наблюдала за Сайленсом. В её глазах почему-то стояли слёзы. Я взяла её ладонь в свою, тем самым привлекая внимание.

— Что случилось с Брэдом и Люком? — тихо спросила я.

Ронни вздохнула и отвела глаза, уставившись на наши руки.

— Что точно с ними случилось, я не знаю, — начала она, всхлипнув. — В тот момент, когда я написала тебе посмотреть на улицу, я была у себя дома. Потом я начала писать в нашем общем чате, но Люк и Брэд мне не ответили. Несколько раз пыталась дозвониться, но ни один, ни второй не взяли трубку. Набрала родителей, но и там тоже ответил автоответчик. Я запаниковала и начала собираться. Я, честно, из-за паники не помню, как добралась до дома родителей, потому что, когда бежала, всё вокруг было в тумане. Он, казалось, появился внезапно. Вот смотрю в окно — идёт дождь, а в следующую минуту — туман. Я прибежала к родителям, когда уже практически не было видно даже собственной руки.

Девушка снова всхлипнула и вытерла слёзы, а я обняла её за плечи.

— Маму нашла на кухне, а отец был в гараже. Лив, они не двигались, — она посмотрела на меня, словно я сейчас решу, что она сошла с ума. — Я, представляешь, трясла их, кричала, а в ответ не получила ни единой эмоции. Стало страшно.

К нам присоединились Лукас и Энди. Они тихонько сели, не отвлекая Ронни от рассказа.

— А потом… потом что-то начало происходить. Крики, грохот, плач. Я не понимала, откуда это всё, а когда посмотрела на улицу, то остолбенела. Сквозь этот белый туман хаотично

носились люди, будто все в одну секунду сошли с ума. Мне пришлось спуститься в подвал, когда на соседней улице что-то взорвалось. Я не знаю, сколько там просидела, а когда выбралась, тумана уже не было, но на улице по-прежнему стояли застывшие люди. Это было жуткое зрелище. Я пыталась дозвониться до тебя, Брэда и Люка, но сети уже на тот момент не было. А когда прибежала к себе домой, я нашла их в машине около моего дома.

Ронни расплакалась и спрятала лицо в ладонях, пока я и мама гладили её по спине.

— От… от их… их тел практически ничего не осталось, — всхлипнула она, а я прикрыла глаза, чувствуя, как ком подбирается к горлу.

— Они приехали ко мне, но, судя по всему, из-за тумана не увидели брошенные машины прямо на дороге. Люка зажало между рулём и сиденьем, а Брэд лежал на асфальте в метре от машины. Они… они погибли.

— Тише-тише, — успокаивала мама, пока по моим щекам текли слёзы. Я стёрла их ладонями и встретилась со взглядом Лукаса.

— Скорее всего, они стали такими же, как все люди, — подтвердил он мои мысли.

Если рассуждать логически и опираться на то, что мы уже увидели, других объяснений их аварии не оставалось. Скорее всего, во время движения их отключило, как и всех, кто находился на улице в момент появления тумана. Ронни перестала плакать и уставилась на Лукаса, а потом взглянула на Сайленса.

— Они стали такими?

Лукас кивнул.

— Ты сама видела, как мимо вас с Лив пронеслась патрульная машина, а человек за рулём просто сидел, пялясь в пустоту. Можно сказать с уверенностью: ваши друзья ничего не почувствовали в момент аварии, они просто…

— Я поняла! — громко сказала Ронни. — Что за массовая истерия, вы знаете что-то? — пробормотала она.

— Апокалипсис, — тихо добавил Энди, хмыкнув и глядя перед собой, чем привлёк наше внимание. Почувствовав наши взгляды, он поднял голову.

— Связи нет, люди сходят с ума, никто никому не помогает, потому что не могут! Всё с циклона началось. Я из-за него не смог приехать, в Нью-Йорке тоже была такая же погода. Не удивлюсь, что это везде, поэтому и говорю про катастрофу. Взгляните на Сайленса — он ничего не понимает.

— И что ты хочешь этим сказать?

— Массовая истерия, потеря памяти? Это просто предположение, я не учёный и нихера в этом не разбираюсь, — пожал он плечами, глянув на меня.

— Мне нужно будет уехать ненадолго, — вдруг сказал Лукас и посмотрел на Энди. Пару секунд они сверлили друг друга взглядом, словно о чём-то мысленно переговаривались. Потом Энди перевёл взгляд на друга, стоявшего за спиной Лукаса.

— В данный момент мне некуда его деть, — словно прочитав мысли Энди, сказал Лукас. — Я буквально на день, постараюсь вернуться как можно быстрее.

— Куда ты? — не выдержала я, устав от переглядываний этих двоих, и спросила, глядя на каждого.

Лукас вздохнул.

— Мне нужно съездить за своей девушкой, она в Портленде. Всего пара часов езды. Я должен убедиться, что с ней всё в порядке.

Не думая ни секунды, я ответила:

— Хорошо, я присмотрю за Сайленсом. Он во время этого ужаса не раз спасал меня, поэтому не волнуйся, спокойно езжай за девушкой.

Лукас и Энди несколько долгих секунд смотрели на меня. В глазах обоих было что-то такое, чего я не смогла бы объяснить. Во взгляде первого появилось что-то наподобие благодарности, а у второго — недоверие?

— Спасибо.

— Не стоит благодарить, это я должна ему! Сайленс не раз помогал мне, и это всё, что я могу сделать для тебя, — ответила я.

— Дети, ешьте. А потом отдыхать, предстоит долгий путь, чтобы понять, что делать дальше, — сказала мама, отвлекая нас всех.

Я перевела на неё взгляд.

— До твоего возвращения подождём здесь, возможно, удастся найти врача, который сможет помогать с Алексой.

Мы все хором уставились на наш скудный ужин и в полной тишине принялись за него, а после стали искать место, где можно было расположиться и отдохнуть. Мама настояла, чтобы мы все ложились. Она останется присматривать за дочерью и в случае чего разбудит кого-то из нас.

Не знаю, сколько я ворочалась, пытаясь принять удобную позу, но сон никак не шёл. Перед глазами до сих пор стоял ужас прожитого дня. С улицы ничего не было слышно, только мерное гудение генераторов. В какой-то момент я провалилась в дрёму, слыша, что кто-то вставал, но мне было настолько лень открывать глаза, что я окончательно провалилась в забытьё.

По ощущениям, я проспала всего пару часов, когда вокруг все начали вставать. Лукас обсуждал поездку с Энди, а мама с Ронни готовили для него сумку на всякий случай. Я открыла глаза и уставилась в высокий потолок, а затем села.

— …не нужно меня провожать, я найду тачку и сразу уеду, — говорил Лукас.

— А нам нужно найти чистую воду и еду, сходить за лекарствами, — упрямился Энди.

— Я с вами, — сказала я, и все повернули головы. — Всё равно уже не смогу спать.

Энди кивнул и перевёл взгляд на маму.

— Миссис Райт, вы же присмотрите?

— Идите, присмотрю за ним.

Я поднялась со своей импровизированной постели и поплелась за Энди, который вместе с Ронни и Лукасом вышел в коридор. На этот раз мы без препятствий выбрались на поверхность и так и застыли.

— Это что, мать вашу? — воскликнул Энди.

Я вскинула брови, когда мы все встали в одну шеренгу у выхода из переулка.

Всё вокруг было белым-бело, словно выпал снег, только вот это был не снег… Это нечто, похожее на лианы, оплетало здания, тротуары, машины и даже замерших людей, до сих пор стоящих без движения. Я присела на корточки, пальцами едва касаясь чего-то мягкого, похожего на мох. Мой взгляд скользнул чуть выше и остановился на тонком стебле белого цветка.

Глава 5

Мы крутились по районам уже полчаса, а когда вышли на главную улицу, у меня внутри всё сжалось от того, что я увидела. Весь город до неузнаваемости изменился за одну ночь. Этот чёртов белый мох, который мы нашли у переулка, здесь разросся так, что превратил всё вокруг в какой-то сад из фильмов ужасов. Он полз по стенам домов, как живая лиана, забивался в оконные рамы и плотно окутывал машины, которые бросили посреди дороги. Самое жуткое было видеть, как этот мох прорастает на застывших людях, которые с самого начала превратились в статуи. Их одежда уже начинала покрываться белесым налётом, будто сама природа решила поглотить всё без исключения. И самое главное — никто из них даже не пытался сойти с места, когда мы проходили мимо. Мы шли по обочине, стараясь не наступать на особо густые заросли, потому что от них исходил какой-то приторный, тошнотворный запах, от которого кружилась голова.

В воздухе стоял постоянный гул. Казалось, вдалеке то и дело что-то взрывалось — видимо, где-то ещё продолжали гореть здания. Марево от палёной пластмассы поднималось вверх, создавая облако чёрного прогорклого дыма. Мимо нас на огромной скорости несколько раз пролетали легковушки, гружённые вещами. Люди покидали Сиэтл в поисках другой, более безопасной жизни. А была ли она там? Что, если всё вокруг сейчас в таком состоянии? Люди просто хотели жить, даже ценой чужих жизней! Один такой умник чуть не сбил толпу людей, переходивших дорогу. Мы остановились и присматривались к району, когда водитель выехал с боковой улицы и свернул на нашу. Он резко вывернул руль, чтобы объехать очередную застывшую толпу, и, даже не притормозив, сбил всех, кто не успел отскочить.

— Вот же урод! — возмутилась Ронни, провожая взглядом машину, которая ещё долго петляла по улице, а затем исчезла за поворотом.

Мы с Энди не стали комментировать происходящее и, не сговариваясь, обратили внимание на магазин, откуда выбежал мужчина с сумками. Он посмотрел на нас дикими глазами и рванул дальше, а мы, сделав несколько шагов к разбитой витрине, увидели разбросанные по полу вещи.

— Думаю, владельцы не будут против, если мы…

Энди не договорил: мимо него, цокнув языком, прошла Ронни и исчезла за порогом.

— Кажется, сейчас никто ничему не будет против, — пожала я плечами и нырнула следом за подругой.

Моим глазам пришлось несколько секунд привыкать к полумраку помещения, а когда стали видны очертания, я поняла, что мы попали в магазин спортивных товаров. Ронни уже вовсю снимала с витрины спальные мешки и складывала в большую походную сумку. Заметив меня, она продолжила заниматься своим делом.

— Если бы ещё неделю назад мне сказали, что я буду красть вещи из этого магазина, то ни за что бы не поверила.

Мимо меня прошёл Энди с уже наполовину наполненным рюкзаком; я успела только заметить в нём кучу верёвок и фонариков.

— Я не знаю, за что мне браться, — растерянно произнесла я, осматривая длинные, уже наполовину пустые стеллажи. Люди уже бывали тут и уносили всё, что только можно.

— Посмотри всё, что связано с термобельём, это нам понадобится, — услышала я голос Энди. — Холодает, а нам не помешает утеплиться. И вообще, думаю, надо найти машину — с такими припасами мы далеко не дойдём.

Я мысленно кивнула и, посмотрев на указатели, свернула сначала в отдел, где были походные сумки. Схватив две, я бросилась в отдел с одеждой. Тут было всё: от флисовых кофт, ветровок и мембранных курток до ботинок. Через десять минут я вернулась обратно с полностью

набитыми сумками. Ребята тоже выложили все свои находки. Я даже увидела походную посуду, горелки и газовые баллоны.

— Постойте на выходе, я тут за углом видел машину, подгоню и вернусь, — сказал Энди и, не дожидаясь нашего ответа, бросился к выходу и исчез. Около меня встала Ронни и тихо произнесла:

— Я ещё не до конца знаю его, но почему-то моё подсознание говорит о том, что он хороший.

Я пожала плечами, надеясь, что моё ощущение насчёт Энди тоже окажется верным. Да, я сначала скептически отнеслась к нему, но за эти сутки эти незнакомые нам люди сделали больше, чем кто-либо. Возможно, Энди был идеальным вариантом для Алексы, раз сейчас настолько оберегает её.

— А вот брат Лукаса почему-то меня настораживает, — продолжила Ронни, — хоть он и застыл, а взгляд этих разноцветных глаз пугает.

— Если бы не он, то, возможно, я тут около тебя не стояла бы, — ответила я, глядя на другую сторону улицы. Там двое молодых парней, как и мы, обчищали магазины. — Я была рядом с ним в момент, когда он стал таким. Мы как раз убегали от происходящего внизу, в холле больницы. Нам нужно было что-то делать с Алексой, а когда мы поднялись на второй этаж, он просто остановился и замер.

Я посмотрела на подругу. Она внимательно слушала меня.

— Он держал меня за руку, а потом отпустил. Ронни, я видела вблизи, как потух его взгляд, и это ужас. Словно у человека есть где-то кнопка, которая отвечает за отключение.

Ронни облизала губы, и в её янтарных глазах появилось что-то напоминающее страх.

— Значит, Брэд и Люк… они тоже так же…

Я пожала плечами. В груди стало больно от осознания того, что эти ребята больше никогда не будут с нами рядом.

— Я понятия не имею, как люди впадают в эту отключку, но это происходит внезапно.

Энди как раз подъехал ко входу на синей Toyota Tacoma. Не глуша двигатель, он открыл дверь и быстрым шагом направился к нам. Мы с Ронни схватили свои сумки и вышли из магазина, направляясь к грузовой платформе. Закинув туда вещи, мы дождались Энди.

— Нужен магазин с продуктами и аптека на всякий случай, — сказал Энди, когда мы уселись в машину. Закончив с сумками, мы разместились в салоне. — Лив, следи за своей стороной дороги.

— Хорошо.

Когда мы выехали на проезжую часть, мне открылась полная картина происходящего: все витрины магазинов выглядели как после войны. Прямо сейчас все выжившие бродили по улицам и крушили всё на своём пути. Мой взгляд цеплялся за большой супермаркет, мимо которого мы медленно проезжали. Я увидела, что его стеклянный фасад разбит вдребезги. Внутри творился полный хаос. Люди в панике метались между стеллажами, сгребали в охапку всё подряд, кричали и расталкивали друг друга, чтобы успеть унести побольше. Кто-то уже бежал с тележками, нагруженными до самых краёв, кто-то уже уезжал с парковки. Мне стало не по себе от того, как быстро люди могут превратиться в зверей, когда на первый план выходит выживание.

— Это просто ужас, — буркнул Энди, заметив, что я засмотрелась на эту потасовку. — Нужно найти другой магазин, где не так много народа.

Я лихорадочно соображала, вспоминая карту города, которую видела сотни раз. В голове всплыла картинка: подальше от центра, где сейчас самый ад, есть небольшой магазин.

— Езжай на Бродвей, — выпалила я, глядя на Энди. — Там есть QFC. Он чуть в стороне от центра, может, туда люди ещё не успели добраться. Там обычно меньше народу, чем в тех, что прямо у главной дороги.

Энди кивнул и свернул на другую улицу, петляя между разбросанными машинами и авариями на перекрёстках. Приходилось срезать путь по тротуару, а где-то вообще возвращаться, чтобы найти дорогу к маркету.

В очередной раз остановившись на перекрёстке, мы втроём осматривали местность и искали свободный проезд. Впереди на боку лежал большой самолет, который уже начал обрастать мхом, крылья которого застряли по обеим сторонам домов. Казалось, в этой части города он рос быстрее, чем в остальных, или, возможно, именно тут находился эпицентр вчерашнего дня. Повсюду были разбросаны чемоданы и их содержимое, сгоревшие обломки кресел каких-то частей кузова.

— Налево, если свернём, то, кажется, там дорога более-менее пустая, — сказал Энди, захлопнув дверь. Ещё секунду назад он стоял на крыше пикапа, рассматривая местность. Я оторвала взгляд от самолёта, пытаясь осмыслить увиденное и сопоставить это все с реальностью. Мне казалось, что перед нами спецэффекты, которые применяют в фильмах.

— Народ, а это что? — спросила с заднего сиденья Ронни. Она сидела за Энди, полностью открыв окно.

— Где?

Я мельком глянула на подругу, и та пальцем указала вверх. Мне пришлось тоже открыть окно и высунуть голову; машина как раз свернула на Бродвей. Город выглядел как после большой бойни. Я оглядывала разрушенные здания: где-то не хватало целых этажей, и вместо квартир зияли дыры, из которых всё ещё сочился чёрный дым. Я высунула голову сильнее, стараясь пробиться взглядом сквозь мутную завесу дыма, который всё ещё висел над домами.

Сначала я ничего не поняла, но когда дым чуть рассеялся, до меня дошло, куда показывала Ронни. Небо. Оно было густо закрыто облаками, и я могла бы сказать, что оно должно быть серо-синим, как перед грозой, но цвет был совсем другим. Там, в вышине, прямо сквозь густые клочья дыма, проступали странные перламутровые завихрения. Они переливались всеми цветами сразу — от грязного розового до неестественно яркого сиреневого, словно кто-то разлил бензин в луже, только эта лужа была в сотнях метров над нашими головами. Эти сполохи медленно вращались, закручиваясь между собой, полностью повторяя форму туч.

— Я даже боюсь представить, что это, — сказал Энди. Я повернула голову на звук его голоса: он тоже рассматривал небо сквозь лобовое стекло.

Никто не нашёлся с ответом, поэтому в салоне повисла тишина, и до самого магазина мы не проронили ни слова. Когда заехали на парковку, перед нами открылась такая картина: повсюду были разбитые стёкла и разбросанные тележки с продуктами. Мы вышли из машины и осмотрелись по сторонам, заметив, что застывших людей здесь немного меньше, чем в районе, откуда мы приехали.

— Давайте возьмём тележки и наберём всего, что сможем унести; хрен его знает, когда ещё предстоит снова выезжать, — пробормотал Энди, и мы разошлись по парковке.

Я приметила тележку недалеко от нашей машины и, быстро подбежав, схватила её, направляясь ко входу в маркет. Ронни и Энди догнали меня уже на половине пути. Мы как раз подходили сбоку, когда я заметила нечто странное. Возле одного из застывших, который стоял у стены, кто-то крутился. Я слышала какой-то писк и видела нечто маленькое. С такого расстояния я не смогла разобрать, что это именно.

— Ты чего? — Ронни остановилась рядом со мной, а следом подошёл Энди.

— Что это там? — спросила я, указывая на незнакомое существо. Ребята проследили за моим взглядом, всматриваясь.

— Это крыса, что ли? — предположила Ронни, и в её голосе проскользнули панические нотки — она до ужаса их боялась.

— Похоже, да, — подтвердил Энди.

Крыса немного отошла от человека, и мы слаженно ахнули: она была размером почти с котёнка-подростка, с клочковатой шерстью и глазами-бусинками, которые светились каким-то диким азартом. Она не просто бегала рядом, а яростно вгрызалась в ногу застывшего человека. Тот даже не шелохнулся, хотя ткань его штанов уже была пропитана кровью.

— Твою мать, — выругался Энди. Мы чуть было не вскрикнули, когда из дверей маркета с полными сумками вышел мужчина.

Во-первых, мы его не услышали, а во-вторых, он решил срезать путь там, где стоял застывший. Едва мужчина поравнялся с ним, как тот дёрнулся. Это было неестественно, как будто внутри у него сработал какой-то выключатель. Он с рыком бросился на этого бедолагу, вцепился ему в плечо. Мужчина вскрикнул, бросил пакеты и начал отбиваться от напавшего, пока мы в шоке таращились на происходящее. Никто из нас не проронил от ужаса ни слова. Мы наблюдали, как эти двое падают на землю и катаются по ней. В следующий момент некогда застывший отпрыгнул от мужика, приземлился на четвереньки — изящно, словно кошка, — и оскалился.

Я вздрогнула. Ронни схватила меня за руку, а Энди потянул назад. Слов по-прежнему не было, пока мы наблюдали за этим ужасом: раненый орал, хватаясь за плечо, а кровь заливала ему пальцы и стекала по спине на асфальт. А существо с пеной у рта рычало и бросалось на него.

А потом картинка исчезла, потому что Энди увёл нас за угол здания. Там Ронни сразу вырвало, а я чувствовала, как мир немного плывёт. Пришлось для устойчивости упереться спиной в стену, ошарашенно глядя в никуда.

Ронни вытерла рот тыльной стороной ладони, приходя в себя первой. Она посмотрела на меня глазами, полными слёз и ужаса:

— Лив… ты видела? Он же… он же стоял, как статуя. Как все они. Почему он напал?

Я судорожно вдохнула, пытаясь унять дрожь в руках. Перед глазами до сих пор стояла эта картинка: оскал, неестественно изящные движения на четвереньках и рык, который никак не вязался с обычными человеческими движениями.

— Нам надо убираться отсюда, — Ронни начала пятиться. У неё начиналась истерика. Глаза покраснели от сдерживаемых слёз, а взгляд лихорадочно блуждал по нашим лицам. — Плевать на еду. Нам нужно уехать как можно дальше отсюда.

— Нет, — я преградила ей путь, хотя сама чувствовала, как внутри всё протестует против возвращения в супермаркет. — У нас в больнице Алекса. И мама. Мы не можем приехать с пустыми руками. Если мы сейчас сбежим, мы просто вернёмся сюда завтра, но завтра их может стать в десять раз больше.

Я повернула голову к до сих пор застывшему Энди. Он грубо потёр рукой лицо и посмотрел на меня. В его глазах было всё: и паника, и страх, и что-то, что невозможно было распознать, но я была уверена: если мы сейчас уедем, то останемся голодными.

— Лив права, — он коротко кивнул, и Ронни застонала от досады, понимая, что нам придётся зайти в магазин. — Мы сделаем так: берём только самое необходимое. Быстро. Если увидим хоть одну тварь — бросаем всё и прыгаем в тачку. И ради всего святого — не подходите к застывшим. Даже если они стоят на вашем пути — обходите их за пять метров.

Собравшись с духом, который вопил о том, чтобы мы убегали, мы двинулись обратно. Сказать, что было страшно, — ничего не сказать. Каждый шаг давался с трудом, ноги будто свинцом налились, но в голове стучала одна мысль: нам нужна еда. Мы подошли к углу здания; Энди был первым, за ним я, и последней шла Ронни, которая тихонько шмыгнула носом.

Мы втроём осторожно выглянули из-за стены. И в ту же секунду всё внутри похолодело. Тот, кто ещё десять минут назад был просто застывшей статуей, а пару минут назад рвал человека на куски, теперь стоял в полный рост посреди парковки. Мужчины, на которого он напал, уже не было видно, только на асфальте осталось большое, тёмное, расползающееся пятно.

Нечто, всё ещё отдалённо похожее на человека, резко повернуло голову в сторону дороги; его лицо и одежда были полностью в крови. Он без какого-либо предупреждения рухнул на четвереньки. Движения были неестественными, слишком быстрыми, слишком резкими, как у какого-то зверя, которого долго держали в клетке, а потом выпустили на волю. С сухим, звериным рыком оно бросилось бежать в сторону проезжей части, развивая невероятную скорость.

Мы замерли, как вкопанные, даже дышать перестали. Картинка была настолько жуткой, что мозг отказывался принимать увиденное. Это существо не просто бежало, оно будто летело над асфальтом, выбрасывая руки и ноги вперёд в каком-то безумном ритме. Оно добежало до дороги, резко вильнуло, не сбавляя скорости, и скрылось за поворотом. Никто из нас не проронил ни слова. Да мы и не смогли бы, даже если бы захотели. Я видела, как у Энди, который до сих пор пытался строить из себя смельчака, затряслись руки, а лицо стало бледнее мела. Ронни застыла, её глаза были широко открыты, в них застыл такой первобытный ужас, что мне стало страшно смотреть на неё.

Несколько минут мы не двигались, а потом, преодолев собственный страх, я взяла за руку Энди. Тот аж вздрогнул от моего прикосновения, но затем вышел из нашего укрытия. Я старалась не смотреть на парковку, но боковым зрением видела, что от мужчины практически ничего не осталось, за исключением месива, в которое его превратил застывший. Мы быстро дошли до открытых дверей магазина. Я схватила первую попавшуюся тележку и вошла последней.

— Нужно найти оружие, — сказал Энди, когда мы увидели ряды стеллажей и полумрак, освещаемый только дневным светом из окон, который доходил лишь до зоны касс.

— Согласна.

— Давайте не будем расставаться, — прошептала Ронни.

— Расходиться небезопасно! Не будем терять времени, пошли!

Энди, забрав у меня тележку, покатил её мимо кассы, за ним последовала Ронни, постоянно осматриваясь по сторонам. Я же, немного помедлив, сделала шаг вперёд, но тут опустила взгляд на пол и увидела раскрытый журнал. Понятия не имею, зачем я наклонилась и взяла его, но мой взгляд был прикован к заголовку открытой страницы.

Из статьи доктора Т. Клейна в журнале «Science & Space». Выпуск от 12 июня 2026 года.

«Небесный шлейф: что скрывается за перламутровым небом?»

Доктор Томас Клейн, ведущий научный сотрудник Центра астрофизики и атмосферных исследований, Университет Вашингтона.

«В последние месяцы всё чаще звучат сообщения о появлении в верхних слоях атмосферы аномальных спектральных завихрений. То, что многие списывают на «редкое природное явление» или «игру света», на самом деле может оказаться началом крупнейшей катастрофы в истории человечества.

Наши спектрометры показывают, что к Земле приближается массивное шлейфовое облако. Это вещество не имеет твёрдого ядра. Его нельзя сбить или уничтожить. Оно движется с невероятной скоростью, постепенно заполняя пространство вокруг планеты. На сегодняшний день мы зафиксировали аномалии в спектре, которые указывают на неорганическую природу объекта, но его поведение напоминает живой, подавляющий организм.

Если Земля войдёт в этот шлейф, последствия будут катастрофическими. Атмосферные изменения коснутся не только погоды — они повлияют на каждый человеческий мозг. Мы не знаем, как именно, но не сомневаемся: это будет глобальная трансформация.

Меня называют сумасшедшим. Коллеги смеются, редакции отказываются публиковать мои работы, а правительство делает вид, что ничего не происходит. Но я скажу прямо: что-то надвигается. Скоро мы перестанем быть теми, кем были. И если мы не готовы к этому — мы проиграем ещё до того, как поймём правила игры».

— Ребят! — позвала я и быстро направилась к ним. Преодолев зону касс, я добралась до стеллажей, где Энди уже, подсвечивая фонариком, сбрасывал продукты в корзину.

— Я тут кое-что нашла, — я показала на научный журнал.

— Что там? — спросил Энди, глянув на меня.

— Некий учёный Томас Клейн ещё полтора месяца назад говорил о каком-то шлейфовом облаке, которое приближалось к Земле. Он утверждал, что это может повлиять не только на погоду, но и на мозг человека!

— И я не удивлюсь, что ему никто не поверил, — заключила Ронни, подходя к нам и складывая в тележку коробки с тушёнкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.